

30

Да здравствует XXIII годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции в С.С.С.Р.!

ИСКУССТВО БУРЯТ-МОНГОЛИИ

Долгие годы страдал бурят-монгольский народ, долгие годы подвергались гонениям его искусство и культура. Царские колонизаторы, буддийские ламы и феодально-кулацкая знать — нойоны — душили свободолюбивый народ, держали его в темноте и бесправии. Но никакой гнет, никакое насилие не могли отнять у народа славную его историю, богатую героическими подвигами освободительной борьбы, воспетую в ярких песнях и сказаниях.

Новое, социалистическое искусство впитало все лучшее из многовековой культуры Бурят-Монголии. Незабываемы дни декады бурят-монгольского искусства! В ярких красках одаренных художников, в песнях и плясках талантливых исполнителей ожили богатырские подвиги легендарных баторов, предстали перед зрителем счастливые, светлые дни Советской Бурят-Монголии.

Государственный музыкально-драматический театр Бурят-Монгольской АССР показал столице социалистической родины свою первую оперу — «Энхе — булат батор», — музыкальную драму «Баир», пьесу «Эржен». В дни декады москвичи услышали оркестр национальных инструментов, хор и симфонический оркестр.

Кроме того бурят-монгольский народ показал свои блестящие успехи в национальной живописи, скульптуре, экспонатах эвенкийского рукоделия, чеканке и резьбе искусных мастеров.

Декада бурят-монгольского искусства — еще одна яркая победа ленинско-сталинской национальной политики.

На снимках: вверху справа — заслуженный артист Бурят-Монгольской АССР В. Халматов в роли Баира в музыкальной драме «Баир»; слева — хор колхозников-семейцев; справа — ансамбль национальных инструментов Бурят-Монгольской государственной филармонии; внизу слева — заслуженная артистка Бурят-Монгольской АССР Н. Гендунова в роли Больжимур (музыкальная драма «Баир»).

На обложке: рисунок худ. Бор. Ефимова. Последняя страница обложки — работы худ. Г. Мучника.

С. Васильев.

Мечта

Иллюстрации худ. Н. Малолеткова

Тяжелые краны вдогонку друг другу
летят, громыхая, и падают ниц.
Поет автоген, рассыпая по кругу
снопы фиолетово-белых зарниц.
Стучат молотки широко и знакомо.
Ложится бетон продолженьем торца,
А сердце уже замирает, влекомо
в подоблачный мир, на вершину Дворца.
Давайте, как в детстве, усядемся чинно,
скамью обнесем неприступной чертой,
зажмурим глаза и дорогою длинной
отправимся вслед за своею мечтой.

* * *

Лето... не столь отдаленного года.
Солнце и ветер в лицо наяву.
Вот мы плывем на борту теплохода
ровной дорогой, ведущей в Москву.
По волжской воде поднимаемся в гору
Навстречу одетым в гранит берегам.
И вот открывается нашему взору
то, что почти неподвластно стихам.
На птичьем пути, наравне с облаками,
мы видим,
мы чувствуем,
мы узнаем:
ленинский облик встает перед нами
во всем несказанном величьи своем.
В трепете мы затаили дыханье,
мы сгрудились в тесный кружок у кормы.
Вот мы уже у подножия зданья,
на берег по пристани движемся мы.
Светлые лестницы, солнцу в угоду,
ведут нас среди гиацинтов и роз
к строгим порталам, к центральному входу,
к мраморным лоджиям, влажным от гроз.
Все явственней, все величавей и проще
спокойный, торжественный облик Дворца.
Все в нем полно благородства и мощи,
искренной мысли и силы резца.

* * *

Зал Конституции. Зарево свода.
Счастье, которое все же нашли.
Братство и равенство. Честь и свобода.
Сталин! Второе рожденье земли.

Зал исторических воинских былей,
пламень которых еще не воспет.
Зал легендарных трудов и усилий,
доблестных планов и дерзких побед.
Отблески грозно промчавшихся шквалов,
Сказки родивших и песенный гул.
Свердлов и Киров. Чапаев и Чкалов.
Пламенный Стальский и мудрый Джамбул.
Вот она, жизнь, постоянным движеньем
звавшая нас непрестанно к борьбе,
ставшая вдруг огневым отраженьем
в гипсе и в бронзе, в шитье и в резьбе!..
Желтый и розовый, красный и синий
Мир электрических лун и мячей,
Мир непривычно скрестившихся линий,
Кружево искр и сеченье лучей...

* * *

...Так нас проводит сквозь плен восхищенья,
с гордостью в сердце и с песней у рта,
еще не достигшая дней воплощенья,
но близкая к ним золотая мечта.

Вл. Лидин

МИЦКЕВИЧ

РАССКАЗ

Двери школы были открыты, и всюду в пустых классах стояли парты и доски с меловыми записями: упражнениями в польском языке и арифметическими задачами. На столе в учительской лежал раскрытый классный журнал и рядом с ним красный кленовый лист, залетевший в открытую форточку. По коридорам школы гулял сквознячок,— казалось, двери ее не без умысла были настежь открыты: показать, что ничего не осталось ни от польского народа, ни даже от его языка, на котором учили детей...

В помещичьем саду висели на деревьях тугие яблоки поздних сортов, и возле шалаша арендатора лежали красновато-зеленые груды их. Усадьба была ветхая, с покосившимся домом, и только плохо написанные предки мелкопоместного шляхтича еще пучили глаза в овальных рамках на стенах.

К комиссару штаба дивизии Ярошенко пришла утром учительница местной школы. Это была молоденькая бледная женщина с печальными голубыми глазами и застывшим выражением покорности судьбе на лице. Все, повидимому, рушилось вместе с польским государством, историю которого преподавали в школе, и она набралась смелости и пришла к комиссару спросить, что ей теперь делать дальше. Она остановилась в дверях, кутаясь в платок, и сказала, глядя мимо комиссара, в окно, за которым клонились тяжелые от плодов и подпертые ветки яблонь:

— Я прошу простить. Я совсем мало знаю русский язык. Я научителька в почонтковой[1] школе. Может, товарищ скажет, как мне теперь быть? Я ведаю только польский язык. На польском языке учить будет не можно...

Она смотрела мимо комиссара, как бы обращенная к своей неизвестной судьбе, и только пальцы ее руки, теребившие платок, слегка дрожали от волнения. Ярошенко, сидевший за дамским письменным столиком, на котором до самого его подбородка были уже навалены бумаги и папки, крепко по привычке потер обеими руками коротко остриженную голову:

— Вот интересное дело. Кто это вам, извините меня, про польский язык набрехал? У нас каждый народ на своем языке говорит, а на польском языке, думается мне, не одна мировая книга написана. Между прочим, хорошо, что пришли: к вам будет дело, раз вы учительница. Мы тут у вашего убежавшего помещика кое-какие книжки нашли и как раз думали передать их в библиотеку школы.

Он велел дежурному позвать младшего политрука Семенова.

— Товарищ младший политрук,— сказал он Семенову,— вот познакомьтесь: учительница местной школы. Что вы относительно польских книг вчера мне докладывали?

— Тут, товарищ полковой комиссар, есть замечательные польские книги,— сказал Семенов несколько торжественно,— и надо передать их в надежные руки, чтобы их не растащили. Разрешите доложить?

— Говорите.

Семенов полез в карман и достал сложенную вчетверо бумажку:

— Конечно, полной описи мы произвести не успели. Но основное я тут записал. Есть очень редкое издание поэта Яна Кохановского. Есть полный Мицкевич. Есть хорошее с иллюстрациями издание Словацкого.

И он стал дальше перечислять имена, довольный, что все эти книги оказались в сохранности:

— Между прочим, товарищ полковой комиссар, рекомендую прочесть «Над Неманом» Элизы Ожешко: про эти самые места, по которым мы сейчас проходим, написано.

Он назвал еще несколько имен писателей, книги которых оказались в сарае. Ярошенко прервал его.

— Ну, в общем понятно. Так вот, эти книги мы хотим передать в библиотеку школы. У вас, конечно, они будут в сохранности,— сказал он затем женщине,— да и ребятам, надеюсь, это еще пригодится. А насчет польского языка одно могу вам сказать: у нас народы, которые письменности никогда не имели, и те на своем языке в школе учатся... а вы мне про польский язык говорите!

И он сердито стал ерошить свой седеющий бобрик.

Потом Семенов повел учительницу в сарай, чтобы показать брошенные помещиком книги. Книги лежали уже акуратно сложенными стопками, и отдельно, завернутая в газету, лежала редкая книга стихов Кохановского.

— Семнадцатый век,— сказал Семенов любовно.— Я сам, между прочим, грешу по части стихов. Хотя предпочитаю главным образом прозу.

Женщина стояла в своей старенькой кофточке, поверх которой был накинут платок.

— То ж — доброе богатство,— сказала она.— Не чекали[2] еще наши дети такого!

И она впервые своими голубыми глазами с удивлением поглядела на Семенова. В сарае рядом с книгами лежала конская упряжь и стояло несколько мягких кресел с продранными сиденьями, откуда вылезали солома и волос.

— А занятия в школе пора начинать... ждать тут нечего,— сказал ей Семенов.— Конечно, брехни насчет нас еще много услышите... тут есть кому постараться об этом!

Он проводил учительницу до забора сада и пообещал, что книги сегодня же перетащат в помещение школы. Затем он пошел к дому обратно. Тяжелое, большое яблоко упало на него с ветки дерева, точно кто-то дружески ударил его по плечу. Он поднял яблоко, обтер его и откусил большой кисловатый кусок, сразу же наполнивший рот осенней свежестью.

Вечером его вызвал к себе комиссар Ярошенко. Сад за окном был уже темен, и на дамском столике комиссара горела белая, с золотой спиралью, похожая на венчальную свеча. Ярошенко сидел в кресле и крепко потирал по обыкновению голову.

— Товарищ младший политрук,— сказал он ему,— а ну-ка, отмахай какое-нибудь стихотворение Мицкевича... Я когда-то читал, но, по совести, забыл...

— Хотите из крымских сонетов?— ответил Семенов неудивленно.

Он был сотрудником армейской газеты и даже однажды прочитал комиссару свой рассказ.

— Валяй из крымских,— одобрил тот.

Семенов прислонился к стене и стал смотреть на пламя свечи, вспоминая:

«Так, я достиг давно желанной
цели:
У ног моих цветущий край
земли,
И моря шум, и реют корабли,
Качаяся в волнах, как
в колыбели.
Но снятся мне родимые
метели...
О Русь! Леса дремучие твои
Отраднее и слаще сердцу пели,
Чем звонкие Байдара
соловьи...»

Ярошенко выслушал его и покачал головой:

— Ох, знаменитые, брат, поляки на свете жили... А это, конечно, ксендзы да осадники пустили слушок, будто у польского народа даже язык отнимают. Ну, не сукины дети, скажи, пожалуйста?

И он заставил Семенова прочесть еще стихи. Полчаса спустя он вместе с ним вышел из дома пройтись по саду перед сном. Высоко в небе стоял синий Арктур. Все было тихо, и в деревне лаяла собака, как будто ничего не изменилось за эти дни. Только сад зрел в тишине обильным плодоношением, и яблоки падали по временам с глухим стуком, как бы возвещая небывалый на этой земле урожай.

[1] Начальной.

[2] Не ждали.

Джамбул Джабаев

ПЕСНЬ О ЗАПАДНЫХ БРАТЬЯХ

Коль нет ручья на горах,—
Как скатится камень с гор?
Когда у батыра страх,—
Военный к чему убор?
Родившийся трусом сын —
Как даст боевой отпор?
И разве мудрый герой
Займет у соседа вздор?
И разве, напившись, кулан
Убавит воды озер?
И разве правитель дурной,
Кто править не мог страной,
Не заслужил позор?

* * *

Того направляет ум,
Кто вышел в дальний поход.
Того наставляет ум,
Кто мудрость всех превзойдет.
Испортивших добрый пир —
Кто вновь на пир позовет?
Отдавшего волку скот —
Кто пастухом назовет?
Правда права для всех!
Не так ли узнали тех,
Кто Польшу бросил в крови,
Кто, жизни храня свои,
К убийству привел народ?

* * *

На западе, средь равнин,
Украйна и Беларусь,
Насилия не стерпев,
Огнем запылали вы.
Никто в беде не помог,
Как птиц, вас поймал силок,
Под пули попали вы...
Страны нашей свет признав,
Вождя всех побед признав,
Защиту от бед признав,
К нам взор обратили свой
И помощи ждали вы.
Страны величье храня,
Дружбы обычай храня,
Мы, выросшие в боях,
Сталина знамя подняв,
Украйну и Беларусь —
Неужель не спасем от пуль,
Неужель не придем помочь?
Законам нашей страны,
Военной клятве верны,
Седлая коней своих,
Рядами танков стальных,
Ринулись в Польшу полки...
Блещут клинки в руках —
И осеняет покой
Украйну и Беларусь.
Братьев увидя опять,
Как радостно вновь обнять;
Теплую руку пожать,
Встретив старую мать.
И красным бойцам народ
Любовь свою отдает,
Сверкание алых знамен
Видят они издали,
Они приветствуют нас:
Мы вовремя к ним пришли,
И видят пославшего нас
Вождя прекрасной земли.
И вот на путях бойцов
Крепости рушатся в прах,
И воин присягу свою
Скрепляет кровью в боях.
В битве клинком звеня,
Кто остановит коня?
Поклявшись народу, герой
Считает клятву святой.
И, только исполнив ее,
С победой придет домой.
Изведана храбрость войск,
И славен этот поход.
Исчисли почет и честь!
Велик наш народ — не счесть! —
Стоит в военных рядах.

* * *

Наш обычай —
идти вперед!
О стране, что в мире живет,
Про Украйну и Беларусь,
О полях, о цветах на лугу
Песни громкие кто сочтет?
В сердце радость свою тая,
Молодею с бойцами я,
Песнь пою,
ружье берегу,
Песня — другу,
пуля — врагу.

Перевел с казахского
НИКОЛАЙ АСАНОВ

ДВА МИРА. *Рисунок худ. Бор. Ефимова*

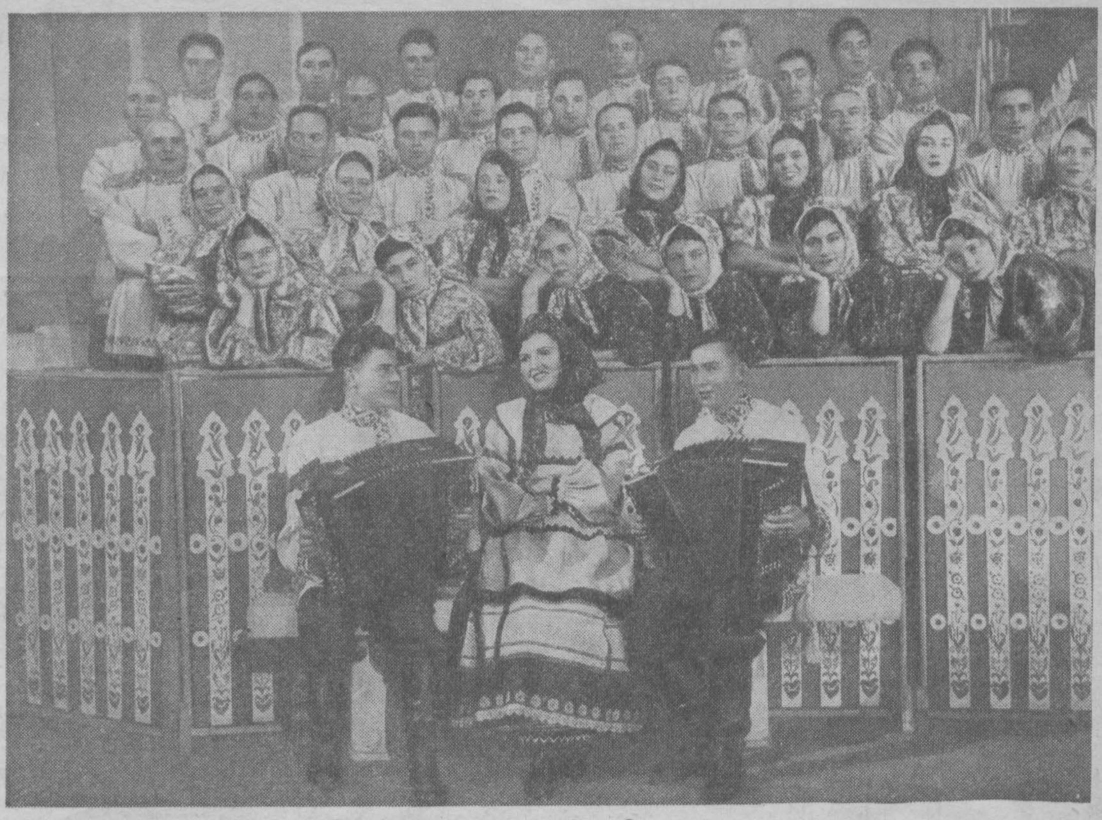
«ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ»

Фото Б. Фабисовича

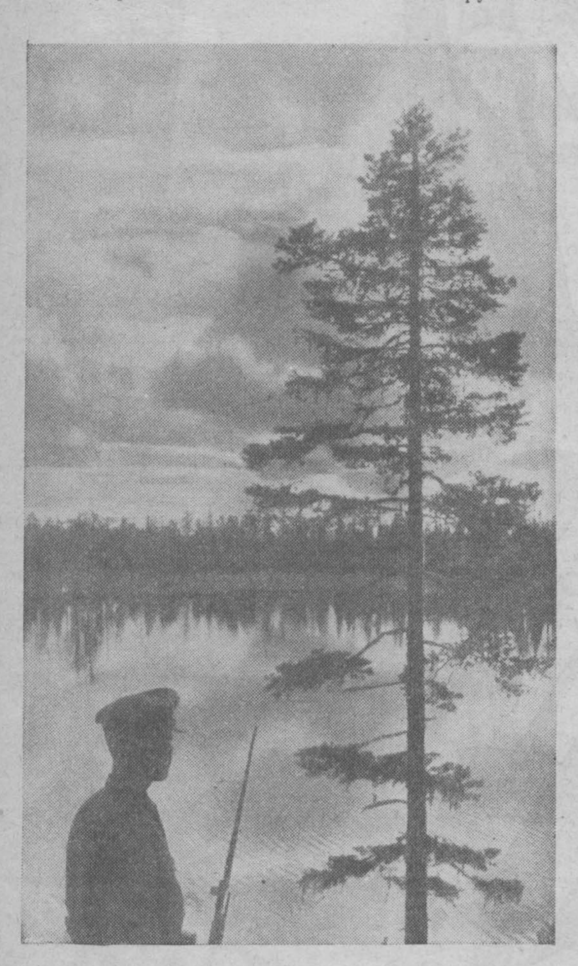
Песня звучит все шире и шире. Кажется, что ей тесно в стенах зрительного зала. Она стремится к границам нашей родины, туда, где в дождь, холод и туманы несут свою почетную вахту советские пограничники.

На сцене стройными шеренгами стоят люди, одетые в форму НКВД. Это недавно созданный по инициативе Лаврентия Павловича Берия ансамбль песни и пляски НКВД Союза ССР.

Художественный руководитель и главный дирижер ансамбля — композитор Зиновий Дунаевский, руководитель танцовального коллектива — заслуженный артист республики орденоносец Асаф Мессерер. Вокальным коллективом руководит заслуженный артист республики орденоносец А. Свешников. Главный режиссер ансамбля — заслуженный деятель искусств орденоносец Сергей Юткевич.

Русская народная песня «Страдание».

На страже советских границ.

Первая программа ансамбля называется «По родной земле». Это — обозрение, театрализованный концерт.

Сюжет не сложен. Девушка Оксана ищет поэта, который так точно описал ее в песне. Фамилии его она не знает. В руках у нее лишь обрывок газеты, по которому видно, что поэт живет в СССР и именно там, где лучше всего живут, поют и танцуют. В поисках поэта Оксане помогают пограничники Луговкин и Степанов. Вместе они посещают Воронеж, едут на Украину, затем к морю и, наконец,— в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Туда съехались все народы Советского Союза. Куда бы Оксана и пограничники ни приезжали, везде живут хорошо, везде их встречают радостными песнями, темпераментными плясками.

Хор ансамбля с большим мастерством исполняет русские народные песни: «Страдание», «Вниз по Волге-реке», псковские частушки, украинские песни: «Засвистали козаченьки» и «Реве та стогне Днипр широкий». Народные пляски являются подлинным украшением программы. Особенно хороши грузинские народные танцы «Лекури» и воинственный «Хоруми».

Ансамбль исполняет балладу о товарище Сталине. Двести человек подхватывают припев:

«Наша песня, словно вольный ветер,
Над морями синими плыви.
Где еще найдешь любовь на свете,
Крепче нашей к Сталину любви».

Так заканчивается первая программа ансамбля песни и пляски НКВД СССР, уже сумевшего заслужить звание одного из лучших ансамблей страны.

Бор. Лукьянов

Воинственный грузинский танец «Хоруми».

Хороводная пляска в исполнении женской хореографической группы. Слева: ведущие программу пограничники Степанов (артист Князев) и Луговкин (артист Любимов).

Ванда Василевская

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

РАССКАЗ

Она не представляла собой ничего особенного, эта Франка. Так себе, девушка, как девушка. Правда, никаких хлопот с ней не было: она быстро вышла замуж и покинула материнскую комнату. И муж ей попался ничего, каменщик, неплохо зарабатывал на постройках.

Посыпались ребятишки: один, другой, третий. А тут как раз подошло это кризисное время, на постройках стали снижать заработную плату. С каждой неделей, с каждым месяцем. Человек уже не знал, как связать концы с концами.

День за днем муж шагал по крутым сходням, таская на спине кирпичи. Высоко громоздились красные кирпичи, и без конца поднимались вверх сходни. Громоздились вверх кирпичи, и поднимался дом. Один, другой, третий. Но когда в субботу наступал расчет, то оказывалось, что за этот труд, за жилы, синими полосами выступающие на ногах, за расширение утомленных легких и вечную одышку нечего получить. Когда мастер подсчитывал в субботу все изнурительные дни,— ни во что не ставился пот на лице и красные жилки на глазах измученного каменщика.

Франка считала, считала и не могла досчитаться: на квартиру, на молоко для самого младшего, на хлеб и крупу в лавочке, на мыло и синьку. Как же не постирать, не ходить же ребятишкам грязными?!

Нет, не хватало. Хоть вдвое накладывай кирпичей на спину, так что кости трещат и хребет ломается от напряжения,— не хватало.

И вот однажды Франка обозлилась. Что, в самом деле, дети уж подросли, уже даже и этот, самый младший, бегает сам около дома на своих кривых ножках — она хочет тоже ходить на работу.

Матери Франки это не очень нравилось: как же, ведь трое детей, пусть на них мужик работает. Старуху беспокоило, что скажут соседи. Но Франка только рукой махнула на глупую бабью болтовню. Не хватает, да и все. Так уж лучше так, чем ходить прислуживать по домам, выслушивать господские капризы, гнуть спину над корытом, копаться в господской грязи.

Так она и пошла к каменщикам на постройку. За помощницу. Она таскала снизу вверх носилки с белой известью: будто кипящее молоко. И глину, разделанную как ржаное тесто, приготовленное для хлеба. Носилки были тяжелые, по ночам нестерпимо ломило спину, а руки жгло как огнем. Болели ноги, каждая косточка чувствовалась в теле. Мучили дурные сны: обрушиваются сходни, доски ломаются и полные носилки летят вниз, брызгая во все стороны белой пеной извести. Она кричала во сне. Мужу приходилось будить ее, тряся за плечо.

Но понемногу она привыкла. Руки огрубели, стали жесткими, серая известковая пыль осела на волосах так, что и не отмоешь. Привыкли и дети: они носились одни целый день, и, возвращаясь с работы, она просто не могла узнать этих грязнуль. Но росли они ничего, здоровенькие, понятно: целый день на воздухе.

Так шли годы. Один год, другой. На постройке записывались в профессиональный союз, записалась и Франка. Обыкновенно, как женщина: куда муж, туда и она. Она платила гроши взносов, была раз или два на собрании. Только и всего. На нее там никто даже и внимания не обратил: невидная была она, серенькая. Так, обыкновенная бабенка, помощница каменщика.

Ванда Василевская.

Фото Дм. Бальтерманц

Франка очень удивлялась тем, которые умели так ловко говорить о разных делах. Она вздыхала, внимательно прислушиваясь к их речам. Да, так оно было на этой постройке: известь, кирпич и глина, день за днем съедающие жизнь. Восемь часов каждый день, и наконец эта субботняя выплата. Конечно, если бы дела обстояли иначе,— ребятишки могли бы ходить в школу, как полагается, и муж мог бы купить себе костюм, да и с квартирой... Ну и ей самой бы платьишко, чтобы оно не разлезалось вечно в лохмотья. Но что поделаешь? Пока было все одно и то же: крутые сходни, кирпич, известь и глина, день за днем, день за днем до этой несчастной субботы, когда наступала жалкая выплата. Воскресенье, когда можно бы немного отдохнуть,— этот один день оставался на домашние работы: стирку, уборку — на все.

И вот однажды пришла забастовка. Забастовали все, и Франка вместе со всеми.

Забастовка вспыхнула дружно на всех постройках. Сразу. Рабочие пикеты ходили по всем улицам и переулкам, смотрели, не работает ли кто где-нибудь во дворе, хоть в одиночку, но нет. Строительный люд держался твердо.

И уже шли собрания — утром и вечером. С шумом, с криком, со страшными проклятиями господам предпринимателям. Сначала, в первые дни, было даже весело. Работа прекратилась со вторника, субботняя плата уже была отдана в лавочки, до следующей субботы еще несколько дней. Значит, разница только в том, что не работаешь. Послушать речи на собрании, попеть, когда пели,— и можно идти домой. Только на собрание — это уж обязательно, чтобы все знали, что народ держится кучей, все вместе. Но потом наступила суббота. Без выплаты.

Господа предприниматели стали стеной. Нет и нет. Одна конференция, другая, третья кончились ничем. Говори, не говори, что горох о стенку.

Делегаты возвращались на собрание давать отчет. Их выслушивали.

— И что дальше будет, товарищи?

— Забастовка,— отвечал зал.

Прекратились и конференции. Словно там, на другой стороне, вообще никого не было. Постройки стояли мертвые, краснел кирпич, дождь смывал известковую пыль с досок лесов и сходней, твердой коркой застывала известь в ямах. Лавочник на углу косился: что же это, черные строчки долгов в заборной книжке росли, а забастовке и конца не видать.

Прошла без выплаты и вторая суббота и третья. Медленно приближалась четвертая.

Каждый уж съел все, что только мог. Люди распродали все, что у кого было. Союз напрягал все силы, чтобы подкармливать людей. Но куда там, разве наешься хлебом, что дают из общей союзной кассы? А ведь нужен не один только хлеб. И хозяин уже заходил раза два за квартирной платой. И булочник уже сказал, что в долг — ни за что.

Люди не держались на ногах: известно, голод. Всякий старался, если и было что, ткнуть ребятишкам, а сам ходил натощак. Почернели, застыли лица. Зал откликался на речи грозным ропотом. Исхудавшие женщины бледно улыбались. Теперь на собрания приходили все: и помощницы, и жены каменщиков. В любой день могло оказаться, что предприниматели уступили, что будет подписан договор — и все кончится, можно будет идти на работу.

Но проходило собрание за собранием — и ничего. Господа предприниматели уперлись. Кто кого передержит из-за этих нескольких лишних грошей заработной платы, из-за коллективного договора? Собрание шумело, гудело, откликалось гневным ропотом, на каждое собрание собиралось пять, шесть тысяч человек.

В городе было сине от полицейских мундиров и стоило только человеку выйти на улицу, как сразу, кто и не знал, должен был сообразить, что бастуют каменщики. А на другой стороне — ничего. Словно на другой стороне никого не было. Глухое молчание. Господа инженеры, господа собственники куда-то попрятались. И было уже ясно, что дело не в повышении заработной платы, не в договоре, а в том, чтобы раз навсегда показать, что трудящийся человек ничего не добьется забастовками, чтобы раз навсегда задушить эту борьбу, затянувшуюся на столько времени.

Пришла четвертая суббота без выплаты. И без всякой надежды. Казалось, это уж никогда не кончится, что рассыплются подведенные уже под крышу красные, кирпичные стены, что засохнет, окаменеет известь в ямах, истлеют леса, что уже никогда не шелохнется ни одна постройка.

Люди стали падать в обморок от голода — не по одному, а це-

лыми десятками... Дети скулили с голоду как собачонки. И хоть на коленях проси, ни один лавочник не давал в долг ни четверти кило круп, ни крошки маргарина или сала. И по углам начался ропот. Не то, чтобы кто-нибудь выступил на собрании: народ стеснялся, стыдно было. А так, вдвоем, втроем. На лестнице, во дворе. Что, мол, невозможно выдержать. И что речи быть не может, придется уступить. Как же, когда предприниматели даже переговоров не хотят вести! И ребятишки совсем пропадут. Да и до каких же пор можно тянуть? Пройдет лето, кончится сезон — и подыхай, брат, окончательно.

Люди не смотрели друг другу в глаза, чтобы другой не увидел в глазах сомнения. Все озлобились, проходили мимо друг друга молча, без единого слова. И только эти нашептывания все ширились, точили как червь.

Приближалась пятая суббота. На собрании было полно, как обычно. Но люди стояли в глухом, мрачном молчании. Хмуро, исподлобья смотрели на ораторов, вскакивавших на возвышение, говоря о выдержке, о победе. Толпа стояла молча, плечом к плечу, как глухая туча.

И Франка почувствовала, что стоит только одному сказать вслух то, что многие думают,— и все пропало. Все побегут на работу за любую подачку, за плату еще меньшую чем до забастовки, только бы, наконец, раздобыть несколько жалких грошей.

Говорил молодой каменщик. Казалось, он надорвет легкие. А толпа молчала. Глядели сотни мрачных глаз. Молчали уста. Ни восклицаний, ни отзвука. Франка стояла желтая, как воск. Если все сорвется, что тогда?

Наконец кто-то отважился. Неохотно, стороной:

— Дети... Бабы...

Молодой каменщик задохнулся от неожиданности. Несколько минут продолжалось молчание. Тяжкое, невыносимое.

И тогда Франку словно что-то подхватило. Неизвестно что, неизвестно как. Она оттолкнула локтями стоявших впереди. Вскочила на возвышение. На момент увидела сотни лиц, сотни устремленных на нее глаз. У нее закружилась голова, сердце бешено заколотилось в груди. Но ее уже подхватил неудержимый вихрь боевого экстаза. Она стояла словно в пламени, во вздымающемся к небу пламени борьбы. Она не слышала собственного голоса. И сказала свое — за всех баб и детей. Что надо сдохнуть, а не уступать. Именно из-за детей. Не продавать жизнь своих детей за барскую подачку. Не поддаваться, не поддаваться!

Голос ее поднимался и низко падал. Он обрушивался на людей, как буря. Франке казалось, что шумит полая вода, гудит, взмахивая огромными крыльями, ветер. Всю свою бабью долю, всю свою судьбу, всю решимость она бросила этой хмурой, напряженно слушающей толпе.

И вдруг вихрь стихнул, пламя погасло. Франка зашаталась. В глазах потемнело. И сквозь эту тьму она услышала, как гремит, бушует зал, как загораются огнем лица, как бьется о стены один могучий крик:

— Забастовка! Не уступим!!

Прошла пятая суббота, и был подписан договор. Господа предприниматели уступили. Все было подписано так, как люди требовали.

И не прошло и двух недель, как мы уже хоронили Франку. Она нагнулась над отверстием лифта на постройке, сверху упала клеть и убила ее на месте.

Мы хоронили ее на желтых холмиках нового кладбища, на голых, лысых пригорках. На желтую груду земли у могилы встал кто-то из стачечного комитета, рассказал о днях, которые придут. О великих днях, заря которых горит на небе.

Но Франка не дождалась великих дней. Она пережила свой великий день тогда, на пятой неделе забастовки, когда ее, помощницу каменщика, обыкновенную бабенку, вынесло вверх пламя боевого экстаза, пламя, которое создает героев.

Перевод с польского
Е. УСИЕВИЧ

ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТОЙ ВОЙНЫ

Смерть и разрушения, неисчислимые страдания миллионов трудящихся — таковы будни капиталистического Запада, второй год потрясаемого империалистической бойней. Война не щадит ни стариков, ни женщин, ни детей. Сотни тысяч детей осиротели, лишены крова и пищи. Каждую ночь, томительную и бессонную, матери прислушиваются, не завоет ли сирена воздушной тревоги, не приближается ли грозный рокот вражеских пропеллеров.

На снимке слева — одна из палат детской больницы в Бетеле (Германия), разрушенной во время налета английских бомбардировщиков.

Вверху — семья бельгийских беженцев без пристанища. Внизу — французские беженцы на привале.

Б. Галин

ДИПЛОМНЫЙ ПРОЕКТ

Фото И. Гущина

Главный инженер завода «Шарикоподшипник» имени Л. М. Кагановича А. Лосев.

— Предостаточно, — тихо сказал профессор, но студент все еще продолжал развивать свою мысль об автоматической линии обработки поршней.— Все в порядке,— профессор повысил голос и, улыбаясь, всматривался в молодое, взволнованное лицо Андрея Лосева.

И только теперь слова профессора дошли до сознания студента. Он медленно пошел к дверям, на пороге обернулся и, словно запоминая навсегда, одним взглядом охватил чертежи, развешанные на стене, строгий, экзаменационный стол, дипломный проект, профессоров, решавших его судьбу.

Вскоре студента снова пригласили в зал и объявили решение государственной экзаменационной комиссии: защиту проекта он провел отлично, ему присуждено звание инженера. Молодой инженер скатал чертежи в трубку, снес их в кабинет дипломного проектирования, туда, где он в последнее время работал дни и ночи напролет. Он сдал чертежи и, улыбаясь, быстрым шагом сошел вниз по широкой лестнице Промышленной академии. Домой инженер пошел пешком. Он ни о чем не думал. Глаза его блестели. Он приложил ладони к пылающим щекам и засмеялся. Да, все в порядке! Отныне он инженер! Защиту он провел, кажется, неплохо. Докладывал он что-то около сорока минут. Сумел ли он сказать самое главное? Подумать только: в течение сорока минут нужно изложить идею, решающие мысли дипломного проекта, быть готовым к ответам на серьезные, сложные вопросы оппонентов!

Андрей Лосев твердо решил для себя: он пойдет мастером на завод. Соблазняла мысль об аспирантуре. Но, размышляя о своей будущей инженерной деятельности, Лосев пришел к выводу: исследовательская работа должна быть венцом практического опыта, а потому сперва заводская работа. И если снизу начать придется, что ж, тем лучше.

Это было весною 1940 года.

И, может быть, таким же весенним днем, но много лет назад, шел по Петербургу молодой человек, некий Карташев, со значком инженера. «Карташев заказал себе карточки, купил технический календарь, обошел все правления по записанным адресам, но толку из этого никакого не вышло. Везде более или менее вежливо отвечали, что мест никаких нет... Выяснилось и чувствовалось, что, ходи он так и всю остальную жизнь, все только и выслушивал бы он на разные лады тот же ответ...

Точно карточный домик, развалилось вдруг все, связывающее его с товарищами, институтом.

Кончил, и все надо было опять начинать откуда-то сначала, надо было опять взбираться на какую-то неприступную, без лестницы башню жизни.

Карташев тоскливо ходил кругом этой башни жизни, и не видел он входа ни выхода.

Что толку, что он инженер теперь? Никогда на самом деле он не будет инженером, никогда ни одной дороги не выстроит. Но что же делать, как жить дальше?» [1].

Диким и бессмысленным покажется современному советскому инженеру это представление о жизни как о неприступной башне, в которую нет ни входа, ни выхода, и что, собственно говоря, незачем было учиться. Иное восприятие жизни, иные заботы, иное ощущение своей индивидуальности в коллективе, в мире больших, творческих возможностей отличают студентов и молодых инженеров нашей страны.

Слесарь Андрей Лосев пришел в Промышленную академию по путевке партии. Быть инженером — эта цель совпадала не только с его личными устремлениями, но и была для него, коммуниста, партийной директивой. Сроки учебы даны были жесткие.

★

Валентина Хетагурова приехала в Москву с Дальнего Востока вскоре после боев у озера Хасан. В ее памяти жили картины недавних сражений у сопки Заозерной: она видела бойцов, которых навещала в полевых госпиталях, она слышала их рассказы, проникалась их чувствами и мыслями. Когда на экзамене ей предложили самой выбрать тему для сочинения, Валентина Хетагурова вспомнила бои у озера Хасан и описала простоту и скромность бойцов и тот внутренний дух героизма, который так поразил и взволновал ее в дни пребывания в районе озера Хасан. Сочинение было коротенькое, всего лишь на нескольких листках. Писала Хетагурова о том, как однажды вместе с хабаровскими комсомолками она привезла раненым бойцам подарки. На лужайке перед госпиталем сидели раненые бойцы и командиры, те, которые уже могли передвигаться. К Хетагуровой подошел врач и сказал, что ее желает видеть тяжело раненый летчик. Врач предупредил: летчика ни в коем случае нельзя волновать, нужно будет исполнить его просьбу.

— Повидимому,— сказал врач, — это будет последняя просьба летчика: часы его сочтены...

Летчик лежал в глубине палаты. Он был молод, волосы падали ему на глаза, мешая смотреть.

Он ничего не сказал, но Хетагурова угадала его желание; она откинула ему волосы со лба, и он благодарно взглянул на нее лихорадочно блестевшими глазами. Некоторое время они молчали. Со двора доносилась песня. Летчик ничего не сказал о смерти, но, кажется, он понимал, что все идет к концу. Он сделал движение. Его губы шевельнулись. Она наклонилась, чтобы лучше расслышать то, что он ей скажет. Задыхаясь и торопясь, точно боясь, что он не успеет сказать ей все, что надо сказать, летчик просил передать инженерам и рабочим авиационных заводов, что он благодарит их, его машина хорошо поработала на фронте. Он просит их выпускать все больше и больше машин, чтобы наша советская авиация всегда господствовала в воздухе. Летчик спросил ее, все ли она запомнила, что он сказал ей. Она ответила: да, все. И когда она вышла на лужайку, где девушки пели песни, и позже, когда она продвигалась дальше, к линии фронта, с подарками для бойцов, из памяти Валентины Хетагуровой не уходил летчик, умиравший в глубине палаты, его просьба...

Таково вкратце содержание сочинения Валентины Хетагуровой. Ей не пришлось «сочинять»: она описала то, что видела, чему была свидетелем, что поразило ее мысль, запало в душу. И эта связь с жизнью является характерной чертой студентов. Чувство жизни пронизывает их дипломные работы.

Будущая тема дипломного проекта Андрея Лосева зародилась на одной из лекций, когда речь зашла о классификации станков. Лосев не принадлежал к числу тех студентов, которые все воспринимают пассивно. Эту черту характера студента хорошо знал доцент, преподававший курс станков. Он не прошел мимо замечания студента, что современная классификация станков устарела. Преподаватель спросил студента, в чем же он видит погрешность общепринятой классификации.

— Над этим стоит подумать, поработать,— ответил студент.

Доцент улыбнулся:

— Вот вы и подумайте, поработайте... Это благодарная тема для размышлений.

— Попробую, — согласился студент.

Доцент снова вернулся к чтению прерванной лекции. Что касается студента Лосева, то он плохо воспринимал лекцию. Он клял себя за то, что так неосторожно, из-за одной лишь реплики, ввязался в историю с классификацией станков. Но отступать — это не было в его правилах. И в наступившие каникулы он занялся разработкой и обоснованием своей мысли о том, что существующая классификация типов станков явно устарела. Сколько времени и сил, как далеко уведет его эта работа и подтвердят ли материалы его первоначальную мысль, студент не знал. В подмосковный дом отдыха, куда он поехал, Лосев захватил с собою I том «Капитала» Маркса, технические справочники, коньки и пьексы для лыж. Но в эти дни снег стоял рыхлый — лыжи и коньки отпали. Оставалось одно — читать. Но свет по вечерам гасили рано и почему-то всегда на самом интересном месте, когда только-только войдешь во вкус чтения... Ему надоели рыхлый снег, туманы и дом отдыха, в котором не дают досыта почитать, он плюнул на все и улизнул в Москву. Там, в Ленинской библиотеке, он получил полную возможность читать, работать.

Что, собственно, требовалось от студента? Можно было ограничиться изложением собранного материала по данному вопросу — и этого было бы достаточно для студента, который добровольно в самый разгар зачетной сессии взял большую работу. Наконец, кроме добросовестного изложения материала, можно было подвергнуть его энергичной критике... Но ни то, ни другое не устраивало молодого исследователя. Тут дело вовсе не в тщеславии и честолюбии. Новое, свежее слово, которое он должен был сказать, требовало углубленного анализа фактов и устаревших положений. От него самого зависело сказать это слово. Для этого надо было не только тщательно проработать накопившийся материал, но и подняться выше, попытаться наметить научную методику классификации станков.

Это он и сделал в своем докладе на конференции, посвященной научным проблемам машиностроения. Участниками конференции были профессора и преподаватели.

Студент пришел задолго до начала конференции и скромнехонько уселся в зале. Открытие конференции несколько затянулось: дожидались приезда вице-президента Академии наук СССР академика Чудакова. В порядке дня конференции первым стоял доклад академика Чудакова о современных тенденциях в машиностроении. Но академик где-то задержался. Как же быть? Чей доклад заслушать до приезда генерального докладчика? Автор второго доклада, доктор технических наук, дал понять, что он отнюдь не намерен комкать свое выступление и кроме того в полчаса никак не уложится. Тогда вспомнили о студенте, сидевшем в глубине зала. Кто-то предложил: пусть молодой человек сделает короткое сообщение о своей работе. Ему за глаза хватит тридцати минут, как раз столько времени, сколько нужно, чтобы дождаться прихода академика.

Студента спросили:

— Материалы доклада при вас?

— Да, при мне.

Ему предоставили слово.

Конференция не была подготовлена слушать доклад студента. Многие думали услышать обычное студенческое выступление, вероятно, робкое, добросовестно-компиляторское.

[1] Н. Г. Гарин «Инженеры».

Студент на минуту смешался, когда в дверях зала вдруг показался вице-президент Академии наук. Академик присел на первый попавшийся стул и, наклонившись вперед, внимательно слушал.

Один из тезисов доклада Лосева гласил: успешное проведение передовой технической политики в машиностроении в большой степени зависит от выработки единого научного понимания дальнейшего хода развития станкостроения.

В сжатой форме докладчик сделал исторический обзор совершенствования машины, созданной гением человека. Выбор главных, решающих признаков, различающих станки друг от друга, считал автор доклада, нужно производить не на основе голых логических построений, а исходя из анализа развития современного производства.

— Совершенно очевидно поэтому, что необходимые для классификации главные и решающие признаки сходства и различия станков, как определенной разновидности машин, следует прежде всего искать в видоизменениях, возникающих в процессе развития исполнительной части станка. Это позволит вскрыть, во-первых, организационно-производственную сущность станка, во-вторых, технологическую сущность его и, в-третьих, его конструктивную сущность.

Студент докладывал не полчаса, а значительно больше. И участники конференции ничуть не жалели об этом. Слушая Андрея Лосева, им казалось, что на них пахнуло свежим ветром: так молодо и в то же время с подлинной творческой страстью прозвучал этот научный доклад.

Студент прошел на свое место в глубину зала. На трибуну поднялся академик. Студент жаждал услышать хоть одно слово о своем докладе: верны ли его положения, нашел ли он правильный, научный подход к теме? И он вздохнул с облегчением и смущенно покраснел, когда академик сказал, что присоединяется к выводам студента, взявшего в основу классификации станков исполнительную группу механизмов, исторический прогресс в конструкции станка.

— Я думаю,— подчеркнул академик,— что этот метод надо будет применять во всех отраслях машиностроения.

★

Дальнейшее развитие творческой мысли студента нашло свое выражение в исследовании опыта работы многостаночников. Это было партийное поручение — изучить практику многостаночного движения. Анализируя творчество стахановцев, набрасывая чертежи приспособлений к станкам, он получал большое удовлетворение, знакомясь с их авторами-новаторами, соединявшими в своей работе разум, страсть, догадку.

И вот он увидел Волкова с «Шарикоподшипника», который первый открыл простое решение задачи автоматизации линии станков.

Студент Лосев слушал объяснения наладчика Волкова с большим интересом. Это была лекция. Хорошая и глубокая по мыслям лекция. Студент поставил себе целью — обобщить опыт многостаночников. Свой дипломный проект Лосев посвятил техническим и организационным методам многостаночной работы. Исследование методики классификации металлорежущих станков, а затем изучение практического опыта многостаночников — вот что послужило базисом его проектной работы. Он творчески окреп на предыдущих работах. Дипломное проектирование давало выход его энергии, знаниям, мыслям.

Ведущим принципом в работе над дипломным проектом для студента явилось сталинское требование, чтобы «теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма». Студент поставил перед собою задачу — разобраться в тех новых явлениях производственной жизни, которые особенно ярко сказались в машиностроении, дать им оценку, увидеть пути дальнейшего движения техники.

Активное, творческое отношение к жизни — вот что вдохновляет стахановцев во всех их действиях, направленных к улучшению процесса производства. Стахановцы начали с конструирования приспособлений, позволяющих перейти к работе на многих станках. Они обогатили исполнительную часть машины автоматическими устройствами.

Студент Иван Гудов, товарищ Андрея Лосева по учебе в Промышленной академии, работая на заводе, применял метод комбинирования инструментов и обрабатываемых деталей. Творческая мысль стахановцев и инженеров создает приспособления, автоматизирующие движение инструмента и деталей.

Языком технических формул, иллюстрируя свои выводы чертежами, дипломант обобщал все способы, которые ведут к совершенствованию технологических процессов. В строгих красках он нарисовал реальный путь превращения производства в систему машин, действующих автоматически. Человек будет тогда осуществлять в полной мере функции контроля и наладки машин.

Такова перспектива завтрашнего дня, зародыши которой видны в творчестве передовых людей нашей индустрии.

Дипломант докладывал около сорока минут.

В июле Лосева вызвали в наркомат, в отдел кадров. Встретили молодого инженера приветливо и предложили работу в самом наркомате. Он вежливо поблагодарил за внимание, а от предложенной работы отказался.

— Почему? — удивились и даже несколько обиделись в отделе кадров.— А куда же вы хотите пойти работать?

— На завод. Желательно мастером.

Его хотели поймать на слове:

— Конечно, желательно в Москве?

Он ответил, чуть улыбаясь:

— Необязательно. Но мастером — обязательно.

Назвали Воронеж.

— Арматурный завод. Главным инженером.

Он сказал:

— Хорошо. Но мастером.

На все предложения о работе он упрямо отвечал:

— Мастером.

Наладчик роликового цеха завода «Шарикоподшипник» тов. Волков.

Но мастером ему не пришлось поработать: наркомат имел свои планы в отношении молодого инженера. Лосеву сказали мягко, но решительно:

— Заладил — мастером да мастером... Завод «Шарикоподшипник» вам хорошо известен? Так вот, туда вы и пойдете работать. Главным инженером. Ведь правда же, это замечательный завод, оснащенный великолепной техникой, завод, на котором каждый инженер сочтет для себя за честь работать?..

И, не дожидаясь ответа, собеседник круто и деловито перешел к практическим задачам, стоящим перед заводом, к тем задачам, решать которые придется главному инженеру. Молодой человек был несколько смущен таким оборотом дела. Он понимал: бесполезно спорить, отказываться. Требовалось другое: оправдать доверие партии, пойти на завод; пойти навстречу трудностям и в борьбе, в преодолении трудностей найти и закалить себя как главного инженера. И он невольно втянулся в деловую беседу с собеседником, коротко знакомившим его с положением дел на заводе. Молодой инженер думал: главное, что завтра же станет перед ним,—это, чтобы не утонуть в текучке, быстрее освоить завод, найти рациональное зерно в громадном и сложном производственном организме.

Он высказал вслух свои мысли. Завод, выпускающий миллионы шарикоподшипников самых разнообразных типов, завод, вооруженный лучшими станками, воспитавший кадры и производственные традиции, должен иметь ясную техническую политику, ориентирующую весь коллектив не только на сегодняшний день, но и на завтрашний.

Молодого главного инженера завода слушали очень внимательно и с явным одобрением. Прощаясь, собеседник сказал:

— Через две недели я буду у вас на заводе. И уж тогда вы доложите мне о положении дел. Надеюсь, что к этому времени вы получите ясное представление о заводе и найдете,— он улыбнулся,— рациональное зерно, то решающее звено, с помощью которого заводу будет расчищен путь вперед.

Но первые же дни работы на заводе несколько встревожили главного инженера. Нужно было находу знакомиться с заводом, решать десятки больших, но еще больше мелочных дел, нужно было отвечать на телефонные звонки, письменные запросы... И как-то так получалось, что для главного и решающего почему-то не оставалось времени.

Главному инженеру было ясно, что в основе письменных запросов, звонков и посещений, которыми его донимали с утра до поздней ночи, была одна болезнь — боязнь ответственности. Среди руководителей цехов и отделов, среди инженеров и мастеров есть, конечно, немало хороших, талантливых работников. Требуется воспитать — сверху донизу и снизу доверху — стиль смелой и решительной самостоятельности и ответственности в работе. Конечно, создать и воспитать такой стиль — нелегкое дело, но чрезвычайно необходимое. Добиться хороших результатов можно будет только усилиями всего коллектива.

У главного инженера не было никакого желания примириться с тем, что время его растрачивается на пустые, мелочные дела. Сама жизнь требовала иного поворота в работе. И чем скорее этот поворот будет совершен, тем лучше и для руководителей и для всего заводского коллектива.

В один из таких дней директор завода Юсим и главный инженер Лосев сели в машину и поехали на завод имени Сталина. Машина была марки «ЗИС-101». Шарикоподшипники для этой машины производятся на том самом заводе, от которого только что отъехали директор и главный инженер. Их никто не звал на завод имени Сталина. К тому же их вовсе не устраивало какое-то особое приглашение. Они сами поехали ознакомиться с качеством работы своих подшипников, с требованиями своих потребителей.

Вернулись они на свой завод в полдень. Главный инженер пошел было к себе в кабинет, но, подойдя к дверям, вдруг остановился, улыбнулся и, круто повернувшись, направился на завод. Беседуя с начальниками цехов, с инженерами и мастерами, советуясь с ними, отдавая распоряжения, он чувствовал себя куда лучше чем в своем душном кабинете. В роликовом цехе он подошел к группе станков «Цинциннати», соединенных трубками Волкова. И сам Волков был неподалеку. Глядя на его простое, вдумчивое лицо, главный инженер утверждался в мысли, что с такими людьми, как Волков, делающими свое дело без шума и трескотни, наверняка удастся найти рациональное зерно, решающее звено, ухватившись за которое коллектив решит и малые и большие задачи производственной жизни.

И. Русанов

ФИЛЬМ О ЧКАЛОВЕ

Съемочной площадкой для этого фильма чаще всего служит... воздух.

Чкалов!.. В этом имени еще нельзя найти грань между историей и сегодняшним днем. Люди, окружающие Чкалова в фильме,— его друзья и ученики, с которыми можно встретиться и сегодня на столичных аэродромах, на воздушных трассах, в портах Арктики. Многие из нас были свидетелями тех событий, о которых должна рассказать лента.

Нужен особый творческий угол зрения, чтобы с такого бесконечно малого расстояния увидеть главное, дать типические образы, сконцентрировать в облике героя черты человека сталинской эпохи, для которого высшая цель и счастье в жизни — служение народу, родине, победная борьба за коммунизм.

Авторы сценария: Герой Советского Союза Г. Байдуков, Д. Тарасов и Б. Чирсков — и режиссер М. Колотозов в первых эпизодах показывают молодость Чкалова. 15 лет назад крылатая фраза «летать, как Чкалов» таила иной смысл... Было время, когда о Чкалове говорили, что прямота у него спутана с сумасбродством, храбрость — с ухарством. Было время, когда он с удалью пролетал под аркой моста и гонял коров на бреющем полете.

За такие полеты он жестоко поплатился. Вход на военный аэродром для Чкалова оказался закрытым. Он «возит молоко» на пассажирских самолетах и тоскует по профессии военного летчика.

Храбрость и летный талант приводят Чкалова на авиозавод. Он летчик-испытатель. Чкалов поднимается на самолете с грузом своей еще не укрощенной бесшабашности, оправдывая ее тем, что «самолет на лимонаде не вырастишь», что риска все равно не миновать.

Кадр из фильма. Валерий Чкалов выступает перед своими избирателями в родном селе Василеве, Горьковской области. В роли Чкалова артист В. Белокуров.

Летчик встречается с товарищем Сталиным. Это центральный эпизод в фильме, показывающий, как сталинские слова вдохновили Чкалова, пробудили в нем новые качества, вскоре завоевавшие ему славу героя.

— Умереть тяжко, но нетрудно,— говорит товарищ Сталин в сценарии.— Я за таких людей, которые хотят жить, жить как можно дольше, бороться, разить врага и побеждать...

Чкалов понял, как мало он еще сделал для родины, понял, что рисковать можно только в том случае, когда есть великая цель. Летчик созывает друзей... на свадьбу.

— Я обвенчался,— говорит он,— с новой жизнью.

И, как ответ на сталинские слова, рождается проект небывалого в истории перелета. Чкалов летит на остров Удд, а затем прокладывает путь между Москвой и Америкой через Северный полюс...

В ярких и динамических сценах вырисовывается образ великого летчика нашего времени — волевого человека, большевика,— не знающего пределов в мастерстве, мужестве, любви к родине. На пленку снимаются подлинные факты чкаловской биографии, подлинные события.

Исполнитель роли Чкалова — артист МХАТ В. Белокуров. Артист вживался в образ на аэродромах, в самолете, в кругу летчиков. Все были кровно заинтересованы в том, чтобы помочь актеру.

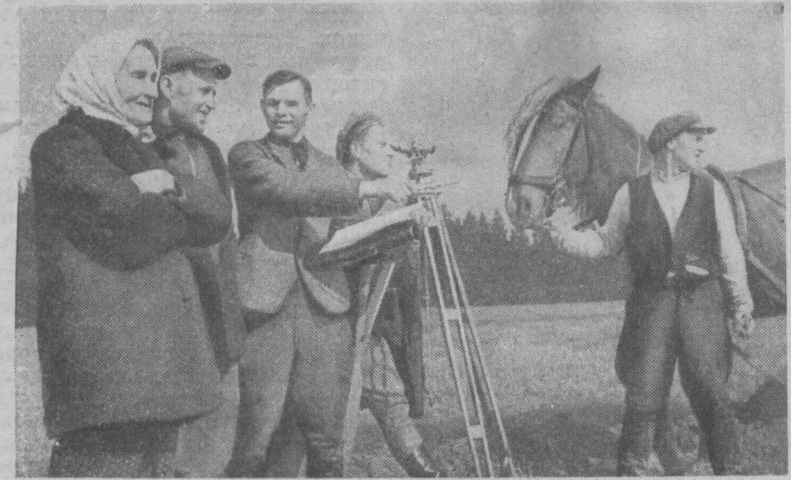
Летчики были своеобразными разведчиками фильма: отыскивали друзей Чкалова, собирали о нем воспоминания, летные поговорки, ходкие выражения. Но главная роль советских летчиков при постановке фильма заключалась в другом... Экран должен передать блистательное чкаловское искусство: показать самолет, управляемый его руками. Советские летчики повторили перед объективом киноаппарата знаменитый учебный поединок между Чкаловым и Байдуковым. Вновь, как когда-то у Чкалова, в самолете «заело» шасси и летчик вытряхнул его в воздухе каскадом фигур...

Майор Чигарев, старший лейтенант Шишкин и другие исполнители воздушных сцен фильма по праву могут считаться преемниками чкаловского искусства. Они делали по 5—6 вылетов в день, каждый раз оставаясь в воздухе по часу и вычерчивая перед оператором А. Гинцбургом блестящий фейерверк высшего пилотажа.

Фильм о Чкалове снимают в просторах его стихии. Тесно переплетаясь с искусством режиссера, оператора и актеров, в фильме будут жить и чкаловское мастерство, олицетворяющее богатырскую силу народа, и могущество советской авиации.

Кадр из фильма. На аэродроме. И. В. Сталин — артист М. Геловани, М. Горький — артист С. Осокин, батя (командир парада) — артист Б. Жуковский, В. Чкалов — артист В. Белокуров. В кругу: бортмеханик Пал Палыч — артист В. В. Ванин и жена Чкалова — артистка К. Тарасова.

НА НОВЫХ СОВЕТСКИХ ЗЕМЛЯХ

Миллионы новых советских граждан приняло в свои братские объятия в этом, двадцать третьем году Великой Октябрьской социалистической революции, наше могучее содружество свободных народов. И там, где еще недавно хозяйничали румынские оккупанты, балтийские бароны и прочие угнетатели, теперь разорваны цепи рабства, народы выпрямили свои спины, дышат полной грудью.

Творческий, радостный, вольный труд кипит в новых союзных советских социалистических республиках: Карело-Финской, Молдавской, Латвийской, Литовской, Эстонской. На освобожденных от капиталистов предприятиях растет производительность труда, развивается социалистическое соревнование, ширится стахановское движение. Радостный, вольный труд кипит на освобожденной от помещиков земле, объявленной всенародным достоянием.

Широчайшие, бескрайние возможности раскрылись для зажиточной жизни освобожденных народов, для социалистического строительства новых союзных республик, для ярчайшего расцвета их культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

О добытом счастье, о прекрасной, светлой жизни, наступившей для трудящихся масс, об их великом, лучезарном будущем под солнцем Сталинской Конституции слагаются народные песни. Сердца миллионов переполнены любовью и благодарностью к своей социалистической родине, к своему советскому правительству, к славной, героической партии большевиков, к собирателю земли советской — любимому и родному учителю и другу, вождю народов товарищу Сталину.

Вверху — демонстрация трудящейся молодежи в Выборге; в центре слева — литовские крестьяне получают бывшую помещичью землю; внизу слева — танцы крестьян (Либавский район, Латвийской ССР).

Татьяна Ширяева, премирована как лучшая работница Нарвской льняной мануфактуры (Эстонская ССР).

Вверху — население Кишинева приветствует Красную Армию — освободительницу; в центре слева — бессарабские крестьяне делят помещичью землю; в центре справа — работницы шоколадной фабрики Каунаса готовят к открытию свой клуб; внизу слева — две бригады текстильной фабрики «Ригас Вильнас Рупнекс» (Рига) заключают договор на социалистическое соревнование; внизу справа — на 150 процентов выполняет нормы передовая бригада гвоздильного цеха завода «Металлист» в Каунасе (справа налево — бригадир Ю. Славинский, М. Закас, К. Гриневич).

ИСКУССТВО ДОВЛЕТА КАРАНФЕЛЯНА

Тканые портреты Довлета Каранфеляна положили начало новой области советского декоративного искусства, создан новый жанр — портретный ковер.

Сейчас у Каранфеляна уже много подражателей, но никому еще не удается полностью достичь той силы выразительности и того высокого художественного совершенства, какими обладает этот искусный мастер-самородок.

Уроженец Киликии, Каранфелян в ранние годы жил в Алеппо—древнем городе, славящемся на весь Восток своим шелкоткачеством. Опытный ткач и искусный реставратор старинных тканей, Каранфелян в молодости работал у частных предпринимателей. Уже тогда, кроме техники коврового ремесла, его привлекала композиция коврового рисунка и ему хотелось, преодолев узость традиций, перейти от узора к образу.

Впервые творчески свободным почувствовал себя Каранфелян, только приехав в Советский Союз. Он поселился в Ереване. И здесь у него возникла мысль создать портретные ковры. Каранфелян задался целью вплести в сложный узор восточного ковра образы величайших людей нашей эпохи — Ленина и Сталина. На протяжении десяти с лишком лет им выполнены все его лучшие портретные работы.

Огромное художественное достоинство его работ заключается в том, что трудная и ограниченная в своих средствах техника выполнения отнюдь не упростила в них трактовки портретных черт.

Это живые, волнующие, любимые образы, тонко и мастерски выполненные рукой большого художника. Каранфелян обычно сам с математической точностью изготовляет технические рисунки, делает предварительные разметки по клеткам вязи, подбирает окраску ворса и сам ткет ковры. Все это требует кропотливого труда, знаний, тонкого художественного вкуса и терпения.

Ковер с портретом великого Сталина Каранфелян ткал почти 13 месяцев. В этом ковре, размером 1 метр 78 сантиметров на 2 метра 58 сантиметров, около 1 554 636 узлов. В меньших размерах, но так же художественно выполнены Каранфеляном и его другие ковры — с портретами Карла Маркса, Молотова, Калинина, Серго Орджоникидзе и Л. Берия.

Сейчас на большом ткацком станке в мастерской Каранфеляна стоит начатой его новая работа — портрет Микояна. Проворно снуют по основе пальцы талантливого ткача, и нить за нитью возникают знакомые черты сталинского наркома.

Не ограничиваясь традиционными мотивами одного только восточного орнамента, Каранфелян умело вводит в бордюр ковра эмблемы труда и революции.

Почти все портретные ковры Каранфеляна составляют собственность различных музеев. Как драгоценные произведения искусства они останутся в веках, сохраняя для будущих поколений память о нашей сталинской эпохе, ее замечательных мастерах и их гениальном вдохновителе — великом Сталине.

М. Бабенчиков

Портрет Иосифа Виссарионовича Сталина, вытканный мастером портретного ковра Довлетом Каранфеляном (Ереван, Армянская ССР). Подлинное произведение искусства, этот ковер потребовал почти тринадцати месяцев труда и является лучшей работой художника.

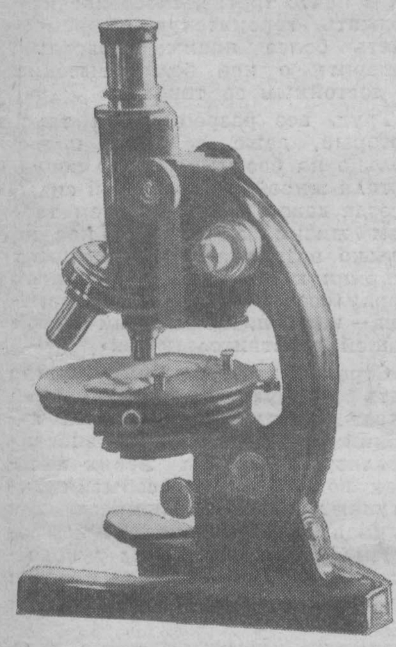
П. Агеев

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ВОЖДЮ

Великие и радостные чувства народа-победителя нашли особую форму выражения: народ творит свою волнующую, вдохновенную поэму о счастье, обращенную к другу и учителю, мудрому вождю. Стало жизненной потребностью великой армии строителей социализма слагать миллионноголосую песню о рождении нового человечества, его юности и его ярких и чудесных делах.

Двадцать третье октября 1935 года — день пятнадцатилетия Советского Казахстана. В «Правде» напечатано «Письмо трудящихся Казахстана товарищу Сталину».

«Письмо составлено, обсуждено и принято в пяти тысячах колхозов и на рабочих собраниях. Подписали по поручению общих собраний 626 436 ударников республики»,— гласила подпись к тексту, звучавшему как поэма.

Микроскоп, подаренный товарищу Сталину рабочими завода «Геофизика» (Москва). На стекле написаны шесть условий товарища Сталина (560 букв на площади 1,5 квадратного миллиметра) и нарисован портрет вождя (на площади 0,04 квадратного миллиметра).

«Хорошо и правильно поют теперь наши народные певцы о тебе, Сталин, подарившем угнетенному человечеству, всем народам закабаленного Востока ключи от счастья:

Эту песню, Сталин, тебе
Поет жирши Маимбет,
И аулы поют вокруг.
Родной наш учитель и друг,
Пусть солнце всегда над тобой,
Пусть радость всегда с тобой,
Ты себя для нас береги,
Наш любимый, вечно живи!»

В 1936 году опубликовано «Письмо белорусского народа великому Сталину». Его подписали два миллиона трудящихся Советской Белоруссии. Затем последовали новые и новые поэтические письма: «Письмо трудящихся Киргизстана великому вождю народов, отцу всех трудящихся, товарищу Сталину»; «Письмо трудящихся Советской Грузии вождю народов — великому Сталину»; «Великому вождю народов товарищу Сталину» — письмо-приветствие, принятое на торжественном заседании, посвященном тысячелетию армянского народного эпоса «Давид Сасунский»; «Письмо бакинской интеллигенции товарищу Сталину»; «Письмо колхозников-джигитов Туркмении товарищу Сталину»; «Письмо счастливого узбекского народа вождю народов великому Иосифу Виссарионовичу Сталину»; «Письмо чувашского народа великому Сталину»; «Письмо строителей Большого Ферганского канала Иосифу Виссарионовичу Сталину»; «Дети города Горького товарищу Сталину»; «Слово про великого рiдного Сталiна».

Поэтические письма народов нашей социалистической родины появлялись как знаменательные памятники всемирноисторических побед нового мира, нового человека, рожденного гением Ленина—Сталина. Они говорят о прошлом и настоящем, о мире мрака и о мире света.

...В пустыне, где от безводья и бесплодия земли тысячелетия страдал человек, построен канал. И, оживив мертвую землю, люди становились поэтами, возникла жажда сказать прекрасные, одухотворенные слова. Ибо жизнь превращалась в поэзию, поэзия становилась жизнью, и народ-победитель излагал свои мысли и чувства в стихах:

«Прими, великий вождь, наш
письменный привет,
Сыновий, пламенный, наш
искренний привет.
Глава счастливых всех
народов, наш отец,
Ты солнце мудрости, ты
радости венец...
Чтоб знойный край наш был
водою сыт,
Канал Ферганский нами здесь
прорыт.
Тебе в письме поведаем о нем—
С легенды древней мы письмо
начнем...»

В «Письме строителей Большого Ферганского канала Иосифу Виссарионовичу Сталину» народ воспел богатырей труда эпохи социализма. В лице легендарной красавицы Ширин, мечтавшей когда-то, в прошлом, добыть воду и напоить степь, трудящиеся воспели свою собственную мечту. Эта мечта осуществилась теперь в Советском Узбекистане. Вот почему льется из сердца народа великая благодарность братьям-трудящимся другого народа, который помог им выйти на социалистический путь жизни:

«Да, русскому народу — наш
привет!
За то, что ленинский он дал
нам свет,
За то, что к сталинским нас
приобщил делам,—

Барельеф товарища Сталина. Резьба по кости. Подарок товарищу Сталину на XVIII съезде ВКП(б) от учащихся Ломоносовской профшколы (Архангельская область).

Салам народу русскому,
салам!..»

Могучий голос народа-победителя летит к братьям, еще скованным сегодня неволей:

«В душе еще мечту мы
бережем:
Ведь есть другой Восток — за
рубежом.
И если б угнетенный тот
Восток
Из наших дел пример себе
извлек,
Он, может быть, стряхнул бы
рабский сон
И стал, как мы, свободен и
силен...»

Яркими эпитетами и сравнениями наделяет народ в своих поэмах любимого вождя, учителя, друга, отца трудящихся. Пылкой сыновней любовью горят слова писем, обращенные к Сталину:

«Ты величайший, лучший дар
земной.
Тобой навек украшен шар
земной».

Поэтические письма трудящихся — замечательное выражение любви и преданности народа большевистской партии и ее вдохновителю и вождю. В этих письмах в образе Сталина законно обобщены исторические победы социализма:

«В могучей поступи
большевиков,
В дыханье мощном зреющих
полей
Биенье сердца слышим твоего,
Свершенье мысли узнаем
твоей»
(«Письмо колхозников-джигитов»).

«Все это твои плоды,
Все это твои труды...
Мы забыли все беды с тобой,
Мы достигли победы с тобой...
Наш учитель, отец наш, друг,
Ты наш голос и ты наш
слух»
(«Письмо трудящихся Киргизской ССР»).

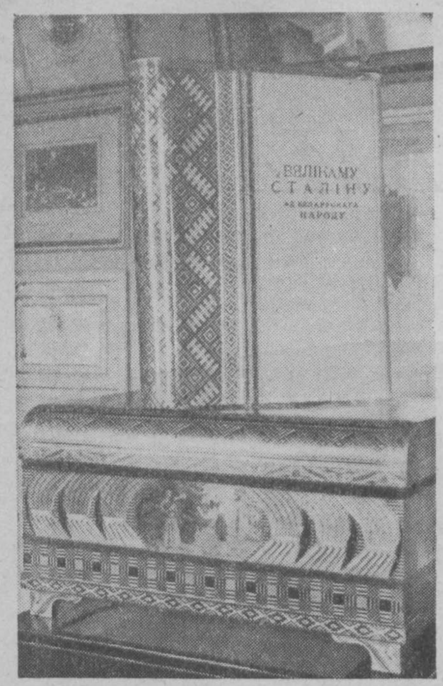
«Твой образ, как призыв,
встает над землею.
Зовет он весь мир к
большевистской борьбе!» —

восклицает белорусский народ в своем письме.

Ему вторят счастливые узбеки:

«Наследник Ленина, для нас
ты — сам Ильич!
Нет тех высот, чтоб нам с
тобою не достичь,
Нет тех преград, чтоб мы не
рушили с тобой.
Веди нас дальше, вождь, веди
в последний бой!..»

В этих письмах звучит приз-

Ларец-сундук с книгой стихов. Подарок товарищу Сталину от белорусского народа. Ларец сделан из дерева, украшен мозаикой.

нание грядущего коммунистического «завтра».

На III сессии Верховного Совета РСФСР депутат Андреева выразила радость чувашского народа жить в великой социалистической стране. Она прочитала стихи из письма чувашского народа товарищу Сталину. В письме история возрождения чувашей, песнь о счастье, которое получили они в Советской стране:

Верхняя крышка ларца-сундука.

«В книгах прошлого
представить нас безродными
хотели,
Годы мрака, униженья и
презренья мы терпели.
Но в другой раскрытой книге
Мы нашли свою страницу —
В ней история народа, чувашей
судьба хранится.
И теперь в чувашском крае
Знает точно каждый житель:
Ты открыл нам эту книгу,
Вождь и мудрый наш учитель».

...Пал суровый, тяжкий гнет польских панов. Наши единокровные братья свободны. Ликование трудящихся, радость великая, бурная изливается в поэтическом «Слове про великого рідного Сталіна»:

«Час нам, браття, спогадати
тую світлу днину,
Як зійшло велике сонце в
нашу полонину!
Спогадати, прославити у
піснях могучих,
Щоб почув і Львів, і Київ, і
Дніпро ревучий
Тую пісню — нашу нову, вже
не пісню туги,
Але пісню втіхи, слави, про
вождя, про друга,
Що сполов колюче терня з
галицького поля,
Посадив нам квітку гожу, що
зоветься воля!»

Поэтические письма народов товарищу Сталину отличаются богатыми образами народной жизни и глубиной исторического содержания. В них представлена судьба народов, в прошлом отсталых, нищих, а сегодня радостно шагающих в передовых рядах прогрессивного человечества единой семьей строителей коммунистической жизни.

Образ народа-победителя, народа — хозяина своей судьбы, творца новой, коммунистической жизни, — один из наиболее характерных для нашей советской литературы. Еще в дореволюционных стихах Маяковского появляется чувствование поэтом героя-коллектива. Поэт восклицал голосом громады-народа, поднимающегося к революционной борьбе:

«Нам ли вымаливать милостей
времени!
Мы —
каждый
держим в своей пятерне
миров приводные ремни».

В бурный период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, еще более усилился зычный голос героя-народа в поэзии Маяковского. В своей поэме «Революция. Поэтохроника» Маяковский передает чувства народа:

«Пока на оружии рук не разжали,
повелевается воля иная.
Новые несем земле скрижали
с нашего серого Синая.
Нам,
поселянам земли,
каждой земли поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по каютам, братья.
Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати».

В советскую эпоху Маяковский создал замечательную поэму «150.000.000», художественно выразив волю и могущество освобожденного народа — творца новой жизни — в символическом образе Ивана, который героически побеждает старый, капиталистический мир:

«И вот
Россия
не нищий оборвыш,
не куча обломков,
не зданий пепел —
Россия
вся
единый Иван;
и рука
у него —
Нева,
а пятки — Каспийские степи.
Идем!
Идем! Идем!
Не идем, а летим!
Не летим, а молньимся,
души зефирами вымыв!»

Поэтические письма вождю продолжили эту линию в поэзии.

Они песнь песней героических народов СССР о их молодости, их счастье жить, творить, бороться под победным знаменем коммунизма, под руководством гениального вождя — товарища Сталина.

В этих письмах-поэмах, многие из которых подписаны миллионами людей, приняты на многолюдных собраниях, звучит голос всего советского народа. В этом прежде всего их историческое значение как новой страницы поэзии.

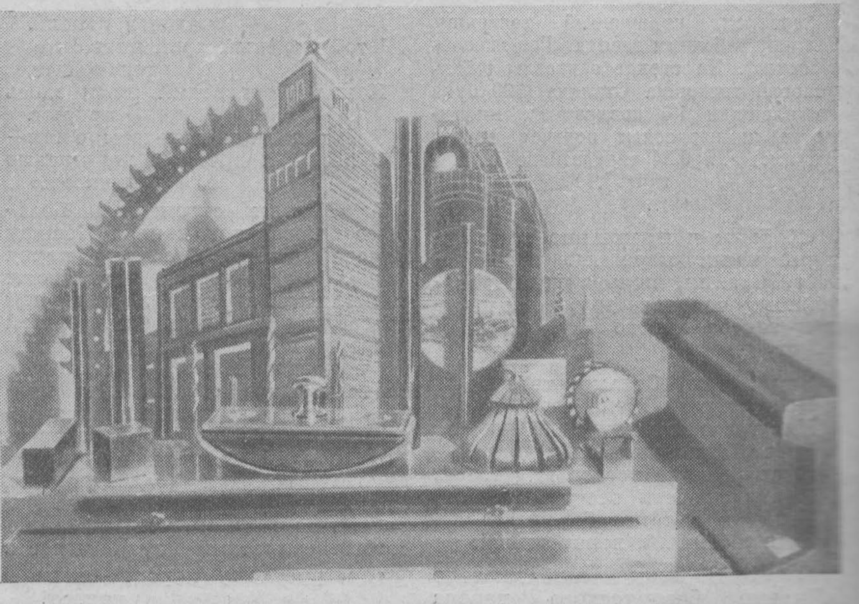
Письма-поэмы сложены коллективами лучших поэтов республик. В стиле писем-обращений к вождю написано «Сказание о счастье» — поэма коллектива поэтов Казахстана о народе — творце счастья под солнцем Сталинской Конституции. В нем выражена народная радость, рассказана прекрасная история, как трудящиеся нашли свое счастье:

«Не птицей залетной, звездой
в серебре,
А в битвах оно началось
в Октябре,
И Лениным люди назвали его,
И Сталиным люди назвали его!
Коль счастье в свободе, то все
мы вольны,
Как ветер, как взлет океанской
волны,
Коль счастье в могуществе, —
каждый из нас
Могуч, как воспетый в
сказаньях Манас.
Коль счастье в богатстве
бесценных громад,
То каждый из нас
легендарно богат,
Богатства такого на свете
вовек
Не видел в мечтах даже
сказочный бек.
Скорей превратится джигит в
старика,
Чем сможет объехать страны
берега,
Старухою девушка станет
скорей,
Чем сможет измерить богатство
морей.
Кубань и Сибирь, Иссык-Куль
и Урал,
Сапфир и алмаз, серебро и
коралл,
Земля и богатство подземных
пород —
Всем этим владеет свободный
народ!»

Максим Горький, мудро определяя пути развития советской художественной литературы, не раз подчеркивал жизненную необходимость «дать синтетический охват наиболее характерных явлений нашей действительности, творцом и героем которой является коллективный труд существ, действующих в состоянии предельного напряжения творческих сил». Он писал: «Не следует ли поискать возможность объединения реализма и романтизма в нечто третье, способное изображать героическую современность более яркими красками, говорить о ней более высоким и достойным ее тоном.

Труд, все разрешающий труд, который, даже действуя подневольно на бессмысленного поглотителя живой человеческой силы, всегда давал ключи ко всем тайнам жизни, а ныне у нас не только возрождает, а превышает старинную легенду о подвигах Геркулеса и богоборца Прометея, — вот он, подлинный герой нашей действительности!»

Стремление наших поэтов дать в образах «синтетический охват наиболее характерных явлений нашей действительности» реализуется в поэтических письмах вождю. Героем событий выступают труд, трудящиеся, как единая семья строителей коммунизма, действующая под руководством отца и светоча народов СССР — мудрого Сталина.

Чернильный прибор из нержавеющей стали. Подарок товарищу Сталину от рабочих и инженерно-технических работников златоустовского инструментального завода имени В. И. Ленина.

Ал. Гуторович

Калита-Гало

Иллюстрации худ. Н. Малолеткова

I

Инженеры приехали в Патюты перед сумерками. Гроза утихла, но вокруг села стоял сухой, шелестящий шум. Он напоминал шопот тайги, а когда усиливались порывы ветра, — дальний шум горных водопадов. Влажный воздух был пропитан запахом иода и терпко-гниющих трав. Пронзительными голосами перекликались лягушки. Два раза гукнула болотная сова. Жирная крыса, распустив по воде длинный хвост и торчком подняв узкую мордочку, бесшумно проплыла между белыми лилиями в высокие камыши.

Суворов рассматривал уходящее вглубь болото, мощные корневища лилий, и ему стало немножко страшно черной глубины и мшистого зыбкого ковра, сотканного из мертвых растений.

В болотах зашуршал не то зверь, не то птица. Похлопывая по воде крыльями, укладывались на ночь утки, потом раздался звук, похожий на человеческий плач. Суворов вздрогнул и спросил старика, приведшего его на болото:

— Что за странная птица? В пустынях водятся чайки-хохотуньи. Я слышал их. Но те смеются человеческими голосами, а эта плачет.

— То не птица,— нехотя ответил старик, он затянулся; вспыхнувшая папироса озарила его волосатое лицо.— Это Кардаш бродит. Жена его Химка позавчера недалече отсюда в трясине утонула. Вот он и бродит, скулит, как помешанный.

Шурша, раскинулся высокий очерет, и из него испуганно выглянул небритый, в разодранной рубахе человек с путаным клоком волос на голове. Суворову показалось, что глаза у него горели. Выглянув, он тотчас же скрылся, и было слышно, как он убегал в глубь болот.

Старик неприятно хихикнул:

— Совсем как зверь, людей пужаться стал.

— Верните его, он же утонет,— попросил Суворов.

— Его теперича как лунатика нельзя пужать,— глухо возразил старик.— Вспугнешь невпопад, он на всю жизнь таким останется. А так он побродит, побродит в глуши, вытоскуется по покойнице, и душа у него сама отляжется.

Старик помолчал, затем продолжал:

— Никак нельзя пужать. А то вон в 1896 году, когда Михайло Лазаренко утонул в здешних болотах, сын его Ванька так же вот бродил по камышам, а один приезжий, вроде вас, возьми да и окликни его ночью. С тех пор Иван так и остался припадочным.

Ветер усиливался, еще шумнее зашуршала камышовая тайга. С бархатных метелок, покачивающихся на длинных стеблях, поднялись тучи комаров. Птицы смолкли. Над камышами стоял унылый комариный писк.

Суворова занимала одна мысль, и он решил спросить об этом своего спутника:

— Отец, а чего вы как черти на болоте поселились?

— Да нешто мы это место выбирали? — усмехнулся кривыми желтыми зубами старик.— Деды наши выбирали. Только вы не подумайте, что деды глупее нас и вас были. Тогда тут болот и в помине не было. А леса стояли такие, что голову на них задерешь—шапка валится. Вы спросите своих мелиораторов, они вам расскажут, какие тут леса были.

— Они моложе меня, откуда им знать?— удивился Суворов.

— Оленьи рога нашли, когда землю рыли.

II

В село ехали на телеге. Ветер доносил с поля пьянящие запахи молодого жита и наливавшейся соками ржи с редкими синими глазками васильков. Залаяли собаки, и за курганом блеснули светлячки крестьянских хат.

Суворов показал старику болотистый луг, откуда завтра должны были начать рытье канала. Но старик лишь меланхолично помотал маленькой плешивой головой:

— Тут еще перед войной сам царь две комиссии присылал, тоже хотел осушить эти болота, да ни шиша не вышло. Потом генерал один, видать, с заскоком, помешался на наших болотах, все ездил сюда с разными учеными. «Осушу,— кричал,— осушу вам, мужики, болото! До гроба меня благодарить будете!» А благодарить-то и не пришлось.

Суворову было мило и смешно слушать эти рассказы. Дед хотя и не верил в осушку Калита-Гало, но уже изредка сожалел вслух о потере болот:

— Вы осенью у нас не бывали? Уток в болотах больше чем комаров. А рыбы всякой! Гуси, летя на юг, передышку у нас делают. Ну, их тут и бьют. Из Чернигова, с Киева охотники приезжают.

Непонятная любовь старика к болоту воскрешала в памяти Суворова страшные рассказы о власти земли над крестьянами, о той власти, которая за клочок пахоты заставляла их совершать убийства, голодать и умирать на истощенной, скупой земле, но не уходить с нее. Еще почему-то приходил на память седой профессор из института, в котором учился Суворов. На лекциях о болотах он с пафосом в голосе говорил:

— По пространству, занятому болотами, СССР теперь находится на одном из первых мест в мире.

Одно это неудачно вставленное слово «теперь» делало всю фразу смешной. Словно болота и в самом деле были крупнейшим достижением советской власти. Но, заметив улыбки на лицах студентов, профессор поправлялся:

— Голландия занимает под болотами 22 процента всей земельной площади, Финляндия — 20 процентов, Швеция — 12,5, Германия — 4,2, а у СССР, в его европейской части, хотя болота и занимают 7,6 процента всей площади, но зато это 38 миллионов гектаров. Вдумайтесь, мои молодые друзья, в эту цифру, и вы поймете, есть ли на свете работа увлекательнее, чем отвоевывать у природы под цветущие сады и плодородные поля эти болота.

Студенты в шутку прозвали профессора «розовым романтиком», а болота, куда он ежегодно посылал их на практику,— «омутами погибшей романтики». Даже маленькие болота осушались годами, студенты заболевали малярией, с трудом привыкали к суровой жизни. На болотах Калита-Гало Суворов вдруг впервые почувствовал прилив романтики. Канал в 26 километров длиной, который должен был осушить 4600 гектаров болот, сами колхозники решили построить в 20 дней. В эту цифру они, кажется, вложили всю ненависть к проклятым болотам, которые окружали их села, засасывали в трясины людей, отнимали богатый урожай, размножали саранчу, рождали дожди и туманы, трясли людей в болотной лихорадке, убивали скот ящуром.

Жили, как робинзоны, в шалашах из камышей. Вдоль будущей трассы канала стояли зеленые городки с акуратно проложенными улочками, парикмахерскими, разными магазинами, амбулаториями и читальнями. Ежедневно в бригадах выходили стенгазеты, зарево красных флагов полыхало над лагерями. В степи дымились кухни, длинные сосновые столы и скамьи были врыты в землю. Вечерами в городки робинзонов приезжали артисты из Чернигова, гремел духовой оркестр из Козельца, а однажды прилетел самолет, забрал на борт лучших ударников и с воздуха показал им плоды их работы.

III

Узкая лента канала обрывалась в Старопечье. С трудом передвигая ноги в густой гуталиновой жиже, по пояс в воде работали сотни людей. Первый день начался неудачно. Два часа шел крупный дождь. На четвертый день, когда канал подошел к старому руслу Остера, спокойного на вид, заросшего пушицей и кувшинками, река вдруг, словно рассердившись за нарушенный покой, собрала остатки старческих сил и в предсмертной агонии хлынула вверх по каналу, затопив торфяники и угрожая залить болота. Тогда все бросились в канал: инженер Пустовойт, бригадир Трофим Мурашко и сухонький рыжеватый политрук Крейн. Они командовали, стоя по пояс в ледяной болотной воде. Бригада подтащила колья, нарубила свежего ивняка и загородила дорогу старой реке торфяной дамбой. Пришлось стягивать на помощь к устью канала дальние бригады. Надо было опустить дно канала до проектной глубины, чтобы пошла вода из болот.

Весна на Черниговщину в этом году пришла поздно. Уже распустились почки на деревьях, прилетели скворцы и жаворонки, а тепла все не было, и в мае дули свежие, осенние ветры. В июне по ночам спали в шалашах, накрывшись зипунами. Глубоко промерзшие болота медленно оттаивали.

— Главный инженер! —кричал Суворову худенький скуластый политрук Крейн. — Колхозники просят, чтобы ты отдал приказ подогреть в канале примусом воду.

Суворов улыбался шуткам. Ему нравились эти энергичные пожилые люди. Из Козельца райком партии прислал 24 коммуниста. На канале они работали политруками бригад. Они развертывали соревнование, сами копали канал, вели учет, ежедневно информировали полуторатысячную армию колхозников, строящих канал, о международной обстановке и, что самое главное, были тем цементом, который крепко спаивал коллектив и двигал его на подвиги.

Молодые инженеры держали первый экзамен перед республикой. Только трое или четверо из них строили Ферганский канал. В Фергане были жгучие пески, там гальку приходилось бить ломом, а в Калита-Гало ледяная вода, торфяники и глубокий ил, который нуждался не в железном ломе, а в обычных плетеных корзинах и рыбацких сачках.

Вода не уходила из болот; в

нижнем течении кто-то додумался соорудить шлюзы, чтобы рыть канал в сухом месте. От этого вверху канала стал подниматься уровень воды. Суворов приказал везде открыть торфяные дамбы, но вода не стекала.

— Кажется, все болотные черти восстали против нас. Неужели мы просчитались в уклоне, Николай Владимирович? — обращался он к плосколицему задумчивому Терещенко, автору проекта осушения Калита-Гало.

— Природный уклон болота мал, всего одна десятитысячная,—хмуро говорил Терещенко.—Нужно больше углублять дно реки и устье канала.

Они еще вчера говорили об этом с колхозниками. Назавтра бригада Луки Кардаша дала 230 процентов нормы. Некоторые колхозники выкидывали за день по 14 кубометров земли, больше чем вдвое перекрывая нормы. Но вода не шла. Теперь все зависело от прорабов и инженеров. Молоденький бригадир со значком ворошиловского стрелка Трофим Матюшко докладывал Суворову, что его бригада вчера выполнила норму на 131 процент.

— Сегодня мы дадим 150 процентов. Но пойдет ли вода, товарищ инженер?—с тревогой в голосе спрашивал Матюшко.

Потом, улыбнувшись, он показал, как показывают редкие экспонаты в музее, семидесятитрехлетнего старика Омелько Кардаша:

— Вот наш доброволец. Он пришел на канал и упросил его взять в бригаду. Мы приняли и не жалеем: старик ежедневно выкидывает 6—7 кубометров земли. Его кровь уже плохо греет, так он часто выскакивает из болота, пританцовывает и поет такие песенки, что наши девчата падают от хохота в воду.

— Беречь его надо. Это же—золото, а не старик,—растроганно сказал Суворов.—Вы его поставьте рыть канал на сухом месте. Я думаю, что старик не обидится. Как ты, отец, на это смотришь, а?

— Он глухой,—ответили в толпе.

Ветер зарябил в канале гнилую, с плесенью воду. Зашумели камыши. Вечерние комары жадно набросились на людей. Отмахиваясь от мошкары ольховыми ветками, Суворов и Терещенко пробирались к первым бригадам, где решалась судьба всего дела.

IV

Степь гудела от человеческих голосов как ярмарка. Болота тянулись до горизонта, наполняя воздух запахами сырой земли. Песни вспыхивали, веселые и дружные.

— Да, луга здесь будут замечательные,—думая о своем, говорил Суворов.—В хорошие годы на этих болотах 10—15 центнеров с га, больше не снимали.

— А вот осушим их, — 60—80 снимут. Тысячные стада развести можно,—повеселел Терещенко. — Долголетние травы, овес, просо, сахарная свекла, капуста, помидоры, да тут только посей—злаков и плодов не оберешься.

Тревожный гул человеческих голосов катился откуда-то с верховьев канала и нарастал как приближавшийся гром. Суворов с Терещенко ближней тропой выскочил из желтых зарослей к трассе канала. Трое молодых парней бежали по его откосам, отчаянно размахивая руками и крича что-то непонятное.

— Утонул кто-нибудь в трясине. Ведь сколько я раз предупреждал прорабов и политруков об осторожности!—гневно сказал Суворов и бросился навстречу бегущим.

— Вода пошла! Вода пошла!—громко кричали парни и, опередив хлынувшую воду, хотели раньше, чем она дойдет до первых бригад, порадовать людей победной вестью.

Сотни колхозников с восхищением и детским восторгом смотрели на вонючую, заплесневевшую воду, тронувшуюся по каналу. Может быть, в эти минуты крестьяне уже видели на месте болот степь в цветах, с тучными стадами животных, горы красных помидоров и беловато-зеленых кочнов капусты, колышемые сухими ветрами поля пшеницы. А может быть, это был восторг от радости победы над болотом.

Солнце садилось за дальними лиловыми курганами. Розовато-красные отсветы его лучей походили на пламя костра, разложенного по ту сторону кургана. Суворов стоял на высоких земляных откосах со стариком, который в первый день приезда водил его показывать болота. Черная, как расплавленная смола, настоенная на торфе и корневищах горьких трав вода шла из болот, быстро и по-весеннему шумно. Суворов похлопал старика по плечу и сказал весело:

— Ну, отец, а теперь веришь, что осушим Калита-Гало? А ты говорил: генерал, и тот не справится...

Хитрый старик удивленно поднял рыжие брови:

— А я что говорил! Я же и балакал, что генералу такие болота не под силу. Тут полководца нужно. А ты же и есть Суворов.

Все кругом засмеялись.

Вода в болоте стала заметно спадать. Все живое вдруг закричало, затрепыхало, заворочалось в испуге в высоких путаных травах и густых очеретах. Тревожно затрещали дергачи, запищали чайки, сонно загукали совы, засвистели чибисы, стали выпархивать из камышей чирки и чернявки и носиться с кряканьем над болотом. Тревога птиц передалась кукушкам в дальних лесах. Вода по каналу тихо спускалась в реку с желтым дном и широкой зеркальной гладью, и воды Нового Остера гнали ее в задумчивую Десну, из Десны—в могучий Днепр и мимо Киева, Запорожской Сечи. Каховки в Черное море...

ТАМ, ГДЕ БЫЛИ БОЛОТА

Фото О. Кнорринга

На большие пространства тянулись болота, бескрайные трясины. Не под силу было единоличному, отсталому, раздробленному крестьянству осушить и освоить эти земли, загубленные водой. Только колхозное крестьянство, новая техника, коллективный труд, большевистская воля оживили мертвую землю болот.

Большую площадь Любаньского района (Минская область, БССР) занимают торфяные болота. По инициативе колхозников начались массовые работы по осушке и освоению болот. На снимке вверху — работа экскаватора на прорытии магистрального канала.

Колхозники на вновь осваиваемом участке роют канавы для отвода воды.

Осушенные и освоенные торфяные болота, насыщенные минеральными удобрениями, дают огромные урожаи ржи, овса, махорки, конопли и других сельскохозяйственных культур. Замечательные результаты дали посевы каучуконоса кок-сагыза. На снимке слева — сбор семян кок-сагыза, посеянного на месте осушенного болота.

Илья Эренбург

НАРОД ФРАНЦИИ

1. У СТЕНЫ КОММУНАРОВ

Кладбище Пер-Лашез находится на севере Парижа. Кругом рабочие кварталы: Ла Шапель, Бельвилль, Менильмонтан. Крутые узкие улицы; серые дома, как бы пропитанные дымом и осенними туманами; уличные торговцы, дети, кошки. Нужда: покупают конскую требуху, латают штаны, спят на скамейках, подложив под голову кепку. Беззаботность: тысячи кафе, уличные певцы, букетики ландышей в руках каменщиков или землекопов.

Сегодня улицы заполнены толпой: строятся колонны. Красные флаги; красные цветы: гвоздики, тюльпаны, анемоны. Рабочие «Рено» проходят с поднятыми кулаками. Продавщицы универмага «Прентан» несут портрет Горького. Кто-то крикнул: «Ля Рока к стенке!» — и тотчас тысячи голосов подхватили: «К стенке!» Комсомольцы затянули: «Это юная гвардия из предместий идет...» На боковых улицах полицейские, жандармы; блестят каски.

Стена Коммунаров. Флаги, венки, груды ярких, еще полных весенним дождем цветов. Впереди идут старики: это участники боев семьдесят первого года. Их встречают молчанием, живым и горячим. Девушка говорит: «Видишь?.. Он защищал баррикаду на улице Мартир». Мальчик лет десяти подбежал к старику и звонко, по-детски крикнул: «Молодцы-коммунары!» Старик посмотрел на него и улыбнулся. Как красит старческое лицо улыбка!

Париж в этот день улыбается, старый Париж...

2. РЫБАКИ САН-ГЕНОЛЕ

Бретань — суровый край. Здесь океан подолгу спорит с человеком; океан топит рыбацкие суденышки, сносит лачуги, ломает упрямые коренастые деревья. Люди живут водой: мужчины ловят сардинку и тунца; женщины работают на заводах рыбных консервов. Земля, волосы, подушки — все пахнет рыбой.

Сан-Геноле стоит среди скал. Крайний выступ Европы: «Финистер» — «Конец земли». На рыбаках штаны из красного брезента; женщины в черных платьях, в высоких чепцах. Океан не шутит: на кладбище есть могила, в ней никто не зарыт, и написано на ней: «Утонувшие»; на эту могилу приносят невзрачные цветы, которые растут среди камней.

Забастовка рыбаков продолжалась два месяца. Владельцы консервных заводов не хотели повысить расценку на сардинки. Настал голод, и рыбаки сдались. Тогда владельцы заводов перешли в наступление: они отказались брать рыбу; они хотели понизить и без того нищенскую расценку. Один из рыбаков решил попытать счастье: он повез улов в соседний порт Одьерн: может быть, там возьмут. У него были дети, и они хотели есть.

Началась буря. Люди с берега видели, как волна захлестнула парусник. От первого вскрика родился бунт: так на море рождается ветер. Были летние сумерки. Женщина в черном сорвала с мачты красный фонарь. Раздался «Интернационал». Толпа рыбаков и женщин взломала ворота фабрики. Управляющий спрятался среди ящиков. Вызвали жандармов из Кемпера. Ночью среди бури шел бой. А утром забастовка перекинулась на все рыбацкие поселки Бретани.

Высокая скала повисла над океаном; на нее не взобраться. Наверху красный лоскут и надпись на камне: «Сан-Геноле держится».

3. ДЕВЯТОЕ ФЕВРАЛЯ (1934)

Шестого февраля в Париже был мятеж: буржуазная чернь штурмовала палату депутатов. На площади Конкорд жгли автобусы и бритвами полосовали лошадей.

Правительство, перепугавшись, ушло в отставку.

Три дня спустя рабочие вышли на защиту свободы. Они заняли северовосточные кварталы Парижа. Метро не работало; полиция никого не пропускала в «красную крепость».

Ночью несколько сот рабочих еще удерживало улицы возле Восточного вокзала. Бился красный флаг: дул резкий ветер с моря. Три женщины вышли из темной подворотни; сгибаясь, они дошли до мостовой; посередине ее лежал молодой рабочий; они унесли его; он еще дышал; он умер час спустя.

Выстрелы разбудили страну. Крестьяне Дофинэ сошли с гор; они принесли охотничьи ружья. Лион ткачей, вспомнив прошлое, ощерился. На севере забастовали горняки. Двенадцатого февраля жизнь в Париже остановилась: не ходили автобусы; закрылись магазины. Народ проходил по улицам; рядом с парижскими рабочими шли шахтеры, они несли лампы; виноделы Нарбонны подымали большие гроздья. В тот день было по-весеннему тепло, и леса красных флагов выросли на площади Насион. Они казались особенно яркими: на них была кровь Девятого февраля.

4. ТКАЧИ СЕВЕРА (1934)

Север Франции неказист. Рабочие поселки с грустными низкими домами. Эстаминет — там пьют пиво и курят глиняные трубки. Нет цветов; на всем черная пудра заводов.

В поселке Ланнуа находилась большая прядильня братьев Бутеми. Трест предпринимателей решил снести двадцать фабрик, чтобы остановить падение цен. Прядильня братьев Бутеми была продана на слом.

Директор боялся рабочих; он хотел их провести и сказал: «Смажьте машины...»

Ночью механик Жано разбудил поселок. Он бежал по длинной улице и кричал: «Приехали за машинами». В окнах замигали тусклые огни. Из домов выбежали работницы. Толпа грозно молчала у фабричных ворот; ткачихи защищали машины.

Раздался конский топот: это приехал отряд жандармов. Работницы разрыли мостовую; они держали наготове камни. В домах кричали разбуженные дети. Жандармы отступили.

Утром в Эстаминет Жано писал заявление председателю совета министров: «Представители тысячи ста рабочих не ослабят бдительности. Мы хотим, чтобы машины, это народное достояние, сохранились в неприкосновенности».

Днем и ночью рабочие охраняли прядильню. Это продолжалось шесть недель. Братья Бутеми, как жандармы, отступили.

5. ГОРНЯКИ ДОФИНЭ (1935)

Ущелье реки Драг. На верхушках гор снег; среди снега черные пятна — уголь. Здесь работают горняки Матейзина. Красивый и дикий край; нагромождение камней; ели; развалины старинного замка.

Вот уже семь недель, как длится забастовка. В лачугах горняков темно, тихо: голод сжал горло. Сегодня владельцы шахт подтвердили: ни сантима больше! Горняки повторяют цифры: это язык нужды; из цифр одна говорит о крови: за год триста восемьдесят два тяжелых увечья.

В комитете стачечников людно: крестьяне пришли за детьми горняков: «Возьму двух», «Давайте трех: хлеба хватит...» Крестьяне несут яйца, картошку, сало, каштаны. Горцы Дофинэ понимают, что значат горе и мужество; они пришли на выручку рабочих.

Собрание забастовщиков. Председатель оглашает ответ хозяев. Что делать? Дома голодная детвора... Кто-то первый крикнул: «Нет!» И это «Нет!» стало горным обвалом, прокатилось по длинному театру, обрушилось на площадь, понеслось вниз, к шахтам. Встает старый человек; на руках, на лице синие жилки — уголь. Он просит слова. Сорок девять лет тому назад он впервые спустился под землю. Все ждут, что он скажет. Но он надтреснутым голосом начинает: «Вставай, проклятьем заклейменный...»

На площади темно. Шумит река. А песня растет.

6. ЗАБАСТОВКА НА МЕСТЕ (ИЮНЬ 1936)

Предместье Парижа. Воскресенье, хороший день; но улицы пусты, пусты и кафе; в домах только женщины и дети. Рабочий Париж сидит, запершись, на заводах. Патрули с красными лентами охраняют ворота. Ни солдат, ни жандармов: правительство растеряно. Но рабочие не уходят из крепостей.

Каждое утро к воротам заводов приходят женщины: несут еду осажденным. На заводах весело; забастовщики поют, играют на гитаре, передразнивают шансонеток, разыгрывают комедии.

В мастерских заперлись модистки, в магазинах — приказчики, в кафе — официанты; как плебеи древнего Рима, рабочий Париж ушел, скрестил руки. Город пуст, но жив: об этой жизни говорят красные флаги: они на лесах недостроенных домов, на заводских трубах, на зданиях, они повсюду.

Ни один станок не был поврежден: ни одна безделка не пропала из магазинов.

Сегодня праздник. Рабочие Рено вышли из своей крепости с музыкой, с флагами. Впереди — подросток; он исполняет на кларнете «Карманьолу». Его поджидает мать; она принесла хлеб, крутые яйца: наверно, мальчик проголодался. Он смущен и рад, бормочет: «Ты видишь, мама, мы победили».

7. МОРИС (ФЕВРАЛЬ 1939)

В Русильоне много виноделов: вино здесь крепкое, как солнце юга. Красноватая земля; синее море. Зимой на горах снег, а внизу цветут бледные чайные розы. Виноделы любят старинные танцы, и, танцуя, парни церемонно кланяются, а девушки приседают. Виноделы Русильона, как и рыбаки Прованса, любят играть в кегли. Это веселый край.

В ту зиму Русильон не был веселым: сотни тысяч испанцев перешли границу. Сенегальцы их загоняли в лагеря. Крестьяне зачастую прятали у себя беженцев.

Местечко Арль-сюр-Тек расположено среди гор; за кряжем Испания. Через этот перевал прежде проходили контрабандисты. В Арль-сюр-Тек жил кассир кооператива, скромный тщедушный человек. Он не умел танцовать, не играл в кегли; девушки на него поглядывали с пренебрежением. Звали кассира Морис. Когда начался исход из Каталонии, Морис забросил кооператив. Он уходил ночью в горы; он вяз в снегу, но не останавливался. Он находил испанских женщин; брал детей на руки и нес их в Арль-сюр-Тек. Вернувшись, он выпивал чашку кофе и снова шел в горы. Мать говорила: «Отдохни». Он отвечал: «Нет. Там еще люди...» Так он проходил одиннадцать дней и одиннадцать ночей. Он спас много людей. Девушки Арль-сюр-Тек потом с гордостью говорили: «Это наш Морис...»

8. ИЮНЬ 1940

Это было возле Жиена в те дни, когда Париж, все потеряв, шел на юг. Стояли знойные дни; не было воды. Самолеты обстреливали беженцев. Колодцы были отравлены трупами. Люди шли, как заведенные: они не

могли идти и не смели остановиться. Плакали матери, потерявшие детей; кричали отставшие ребята. Одна женщина шла с грудным ребенком на руках; пеленки были в крови: мать несла ребенка, убитого осколком бомбы.

Люди с завистью глядели на автомобили, прорывавшиеся сквозь толпу; казалось, уехать — это спастись. Уехать!.. Люди валились без сил на горячую пыль. А самолеты все кружили и кружили; те, что шли, падали; те, что лежали, умирали.

Показались три грузовика; они везли мебель Пробирной палаты: шкафы, столы, канцелярские стулья. Толпа неохотно расступилась. Тогда перед первым грузовиком встала старая женщина, и шофер затормозил. Это была Жозефина, шестидесятидвухлетняя поденщица. Шофер примирительно сказал: «Бабушка, садись». Но Жозефина обратилась к беженцам: «Снимите хлам». Шкафы и стулья полетели на вытоптанный луг. Жозефина командовала; в тот день страха и разгрома она была последним командиром: «Везите женщин!» Когда грузовики были переполнены, на последний вскарабкался молодой солдат с натертой ногой. Из толпы крикнули: «Слезай!» Он прикинулся, что не слышит. «Слезай. Надо бабушку посадить». Но Жозефина отказалась: «Поезжай. Ты молодой. Покинули вас ваши генералы. Тебе еще надо рассчитаться...» Люди побрели дальше. Хриплыми голосами — от жажды и от страха — они говорили об измене. Жозефина молчала. Ее убили в ту же ночь на плоском берегу мутной Луары.

9. КАМНИ ПАРИЖА (ИЮЛЬ 1940)

Париж пуст; ушли люди; ушли даже памятники: их зачем-то увезли или зарыли. Только роденовский Бальзак, вдохновенный и смутный, все еще смотрит на человеческую комедию.

В Париже остались мертвые камни, но они говорят о жизни.

Андрейс Упитс

ПОСТУПЬ

От нашего дыханья молодого
Оттаивает зимнее стекло
И в комнате оледенелой снова
Становится уютно и тепло.
От наших взглядов радостных ожило
Калеки счастье на дворах пустых,
Как будто солнце в руки положило
Две пригоршни горячих золотых.
От нашей поступи, решительной и гулкой,
Ночным теням пути-дороги нет —
Так в полночь оживают переулки,
Как будто улицей прошел рассвет.
От наших рук, мозолистых, широких,
Планета содрогается, поняв:
Минули рабству вышедшие сроки
В рассвете наступающего дня.

Перевел с латышского
ВАС. ЗАХАРЧЕНКО

Площадь Конкорд. У нее было много имен: площадь Людовика Пятнадцатого, площадь Революции, площадь Согласия. На ней отрезали голову королю и Робеспьеру. Маяковский писал: «Эта площадь оправдала б каждый город...» Теперь эта площадь — пустыня. На фасадах старинных домов германские флаги. Изредка пересекают площадь солдаты.

Главный рынок. Нет ни торговцев, ни покупателей, только кричат голодные крысы. Улица Папильон; дом, как другие: закрыты ставни, все жильцы уехали или ушли на юг. В этом доме Гракх Бабеф писал о равенстве. Здесь в дождливую ночь его арестовали полицейские Директории.

Пантеон; библиотека Сан-Женевьев, улица Монтань Сан-Женевьев. Еще недавно здесь верещали студенты. Теперь у Пантеона трава, и кажется, слышно, как она растет. Сто десять лет тому назад на этом углу королевские солдаты братались с восставшим народом. А там — упал на камни мертвый Делеклюз. В 1924 году здесь проходили парижские рабочие: они провожали прах Жореса в чужой Пантеон. Они кричали: «Долой войну!»

Вот и кафе, где накануне той, первой войны застрелили Жореса,— «Кафе Круассан»; оно закрыто. На этой улице были редакции, типографии, экспедиции, и улица пахла печатной краской. Теперь ветер рвет обрывки старых плакатов на стене дома.

Площадь Бастилии. Здесь некогда была тюрьма; народ ее снес и написал на камнях: «Здесь танцуют». Каждый год четырнадцатого июля, в день взятия Бастилии, народ танцевал. В этом году четырнадцатое июля было обыкновенным днем; народ не танцовал: народа не было.

От площади идет улица Фобур Сан-Антуан. На этой улице инсургенты 1848 года защищали рабочие дома от гвардейцев. Теперь пуста и эта, обычно суетливая, шумная улица.

Бельвилль. На этой улице была одна из последних баррикад Коммуны. Ее защищал вместе с рабочими писатель Жюль Валлес. Рядом с собой Валлес увидел человека, чересчур хорошо одетого, чтобы походить на коммунара. Валлес спросил: «Вы наш?» Тот ответил: «Нет... Но я видел в жизни слишком много горя». Он расстрелял свои патроны; потом его убили версальцы.

Улица Менильмонтан. Недавно мать комсомольца Луи Вильмена каждый день приносила красные гвоздики на то место, где враги убили ее сына; и каждый день вокруг цветов собиралась толпа; люди говорили о верности, о борьбе.

В ПРИГОРОДАХ ЛОНДОНА И БЕРЛИНА

День за днем, ночь за ночью столицы Англии и Германии подвергаются воздушным бомбардировкам. От налетов «Хейнкелей» и «Бленхеймов» страдают не только военные объекты, но и жилые дома; растет число человеческих жертв.

Два снимка показывают, как выглядят теперь пригороды Лондона: справа — разрушенный жилой дом, внизу—воронка, образовавшаяся от взрыва германской авиобомбы в одном из лондонских дворов. На снимке слева: в берлинском предместье наутро после налета английских бомбардировщиков.

В. Фин

«Синьхуажибао»

Японские самолеты бомбили рабочие кварталы Чунцина. Еще гремели взрывы и дым от пожарищ стлался по улицам, когда из бомбоубежища осторожно выскользнул человек. Сутулясь, пробежал он через пустынную площадь и опустил в почтовый ящик конверт...

Через несколько дней в китайской коммунистической газете «Синьхуажибао» было опубликовано коротенькое письмо: «Японцы бомбардируют город. Я пишу вам из убежища. Еще доносятся взрывы, но я решил все же выйти, чтобы послать вам привет. Хочу, чтобы вы его получили вовремя — к празднику».

SIN XUA-RHBAO

新華日報

紀念偉大的國際勞動節

社論

紀念「五一」國際勞動節

Первая страница газеты «Синьхуажибао».

Было это накануне второй годовщины «Синьхуажибао».

Во время одного из налетов на Чунцин японским бомбардировщикам удалось разрушить здание, в котором помещалась редакция «Синьхуажибао». А на следующий день на улицах города продавался экстренный выпуск газеты. Редакции помогли быстро оправиться от удара ее многочисленные и верные друзья.

Сейчас «Синьхуажибао» помещается в надежном месте, где ей нестрашны налеты врага.

Китайский журналист Лин, посетивший редакцию газеты, рассказывает:

— «Синьхуажибао» находится недалеко, но и не близко от Чунцина. Чтобы добраться туда, вы не можете пользоваться услугами железной дороги, трамвая, метро: их здесь не существует. Не можете вы также использовать ни автобус, ни автомобиль, ни велосипед. Больше того: даже вездесущий рикша тут вам не поможет.

Только собственные ноги могут помочь вам пробраться через холмы и овраги, которые все время пересекают вам путь. Будьте начеку, если не хотите вдруг очутиться на дне глубокого ущелья.

Дальше Лин рассказывает:

— Я с облегчением вздохнул, когда провожатый, наконец, сказал, что мы находимся у порога «Синьхуажибао», но напрасно я искал этот «порог». Заметив мое недоумение, провожатый улыбнулся и указал мне на вход в глубокую пещеру. Я спросил его:

— Это—ваше убежище от бомб?

— Нет, — ответил он, — это — помещение нашей типографии.

Редакция, библиотека, столовая, жилище для рабочих и служащих, детский сад, ясли помещаются в просторных и чистых помещениях, хорошо укрытых от врага.

В легком строении золотистого бамбука, который издали напоминает стог желтеющего сена, а с высоты птичьего полета — один из холмов, которых так много в окрестностях Чунцина, помещается клуб работников редакции и типографии коммунистической газеты.

На стенах обвитые цветами и свежей зеленью портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и руководителей коммунистической партии Китая. На специальной витрине стенная газета работников редакции и типографии «Чи-тан» («Бумажная бомба»).

В статьях, заметках, корреспонденциях, которых много в стенной газете, интересные подробности о работе и жизни мужественных работников китайской коммунистической газеты.

Один из сотрудников газеты, Ко Лин, в заметке «Я воспитан «Синьхуажибао» пишет:

«Я пришел в редакцию газеты, когда мне было 16 лет. Мне поручили заведывать складом, в котором хранились бумага, канцелярские принадлежности, машинное масло, краска. Я видел, как из бумаги и краски получаются многие сотни тысяч экземпляров газет и книг, которые вооружают людей ценными знаниями, зажигают в них любовь к нашей стране, ненависть к врагам, я старался сэкономить каждый клочок бумаги, каждую банку чернил и с такой же заботой и вниманием следил за всем, что хранилось у меня на складе, как мать следит за ребенком. Мне хотелось, чтобы побольше газет и брошюр печатали наши машины. А бумага и краски достаются с таким трудом!»

Шестнадцатилетний Ко Лин занял одно из первых мест в соревновании работников редакции и типографии. Ко Лина перевели из склада в счетный отдел.

— Каждый из моих новых товарищей, — рассказывает Ко Лин, — старался помочь мне. Я плохо знал арифметику. Вечером начальник нашего отдела Лю Ин занимался со мной, пока я не научился производить самые сложные расчеты.

Когда Ко Лин поступил на работу в редакцию «Синьхуажибао», он был политически мало развит:

— Я не умел даже ответить на такой простой вопрос, как «Что такое японский империализм?»

Сейчас я легко отвечу на более сложные вопросы. Каждый из нас увлечен одним стремлением: учиться и учиться.

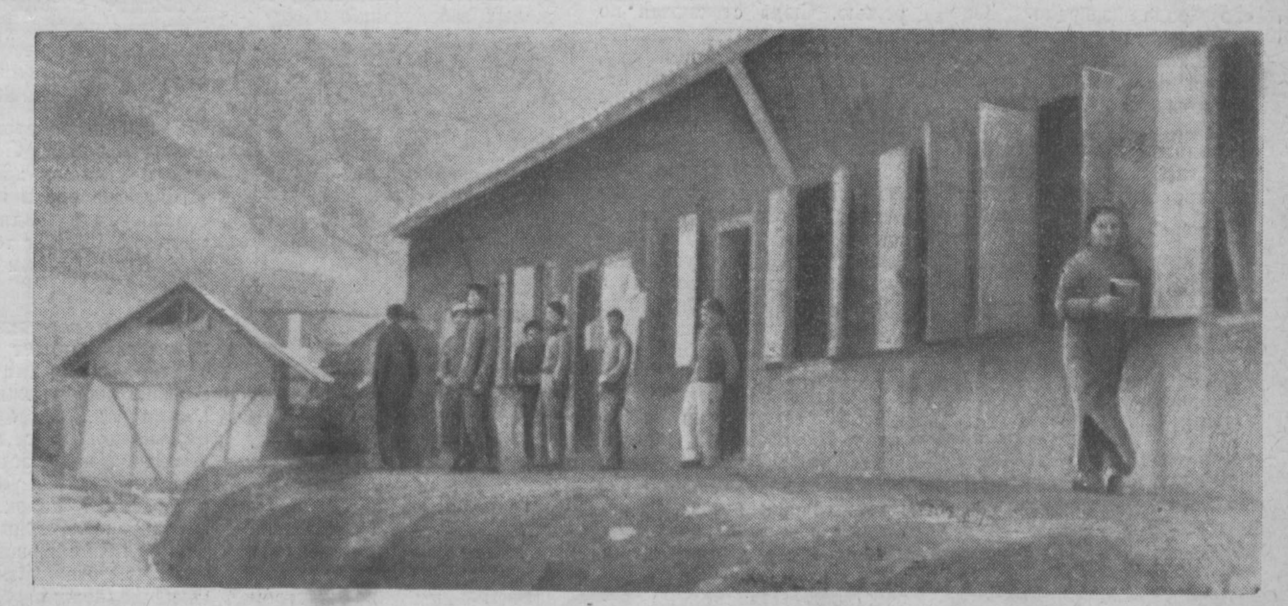
Об обстановке, которая царит в редакции и типографии, можно судить по следующим словам Ко Лина. «У нас,— пишет он,— ко всем относятся одинаково. Дело не в работе, какую ты выполняешь, а в том, как ты к ней относишься. Подручному, подмастерью, чернорабочему, который хорошо, честно работает,— почет. Будь ты мастером, директором, но, если ты работаешь плохо, поблажек не жди. Каждый это знает и старается работать как можно лучше».

В редакции «Синьхуажибао» работают целыми семьями. Сотрудница газеты Ко Хэ пишет в стенной газете: «Большинство матерей, жен, сестер рабочих тоже не сидит сложа руки: многие из них работают в переплетной мастерской и брошировочном цехе. Все женщины и ребята школьного возраста учатся. Вечерами в клубе, в детском саду, столовой, на собраниях можно часто присутствовать при встречах мужа с женой, отца и матери с сыновьями и дочерьми. Каждый рассказывает о проделанной за день работе, гордится своими успехами и достижениями близких — в редакции, типографии, школе. Рабочие и служащие «Синьхуажибао» — сплоченный, стальной коллектив, одна, крепко спаянная, счастливая семья».

По инициативе редакции «Синьхуажибао» ее читатели прислали больше 50 тысяч приветственных писем бойцам народной армии. Это вызвало в армии большой патриотический подъем.

Широко откликнулись читатели на призыв своей газеты — организовать бесплатную посылку «Синьхуажибао» на фронт. Многие подписались на несколько экземпляров газеты с просьбой отправлять их в казармы и госпитали. Читатели «Синьхуажибао» заняли первое место среди читателей других китайских газет во время кампании по сбору миллиона ватных курток для армии.

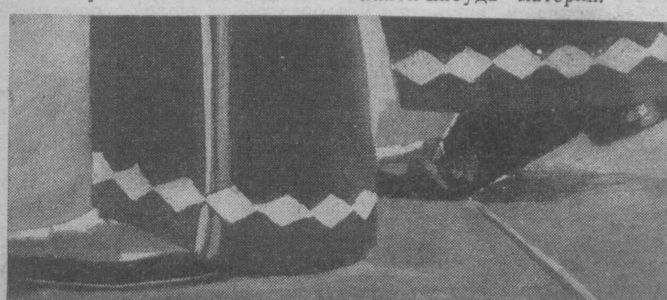
Однажды редакция газеты известила своих читателей, что вся выручка от розничной продажи газеты за определенный день будет отчислена в пользу армии. В этот день больше 3 тысяч рабочих, служащих, студентов и школьников приняло участие в распространении газеты «Синьхуажибао». Они продавали газету на улицах, у входа на фабрики, в учреждениях, в учебных заведениях.

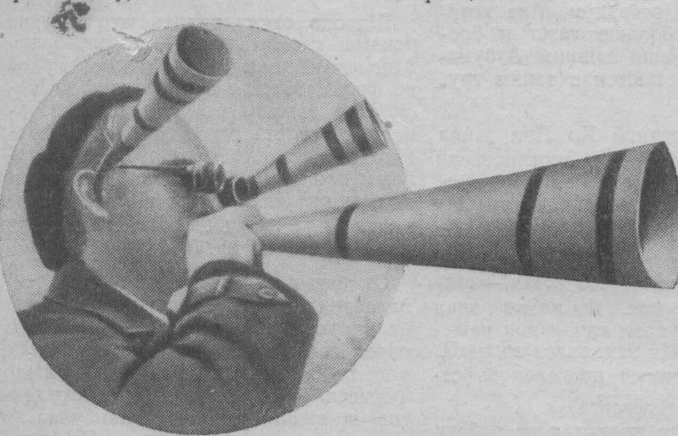
Дом, в котором помещается редакция газеты «Синьхуажибао».

За рубежом

ГРИМАСЫ ВОЙНЫ. На улицах Лондона, погруженных в мрак, населению грозят не только воздушные бомбы, пожары и обвалы: в этой тьме легко попасть и под машину. Все стараются как-нибудь избежать этой опасности: нашивают на пальто белые полосы, прикрепляют к задникам ботинок миниатюрные электрические лампочки, а к низу брюк — полоски из белых ромбиков, вырезанных из какой-нибудь материи.

Население пограничных районов Франции и Швейцарии в мирное время почти не замечало границы: переход через нее не сопровождался почти никакими формальностями. Теперь между Францией и Швейцарией установлена запретная зона в 70 футов. Один изобретательный швейцарец для беседы с друзьями по ту сторону границы вооружается рупором, старомодными рожками для глухих и биноклем (см. фото внизу).

На нашем фото внизу — не снежное чучело и не карнавальная маска. Это — своего рода забрало. Оно должно предохранять лицо шведских солдат не от копий и пуль, а от ветра и жестоких морозов, во время которых приходится иногда проводить зимние маневры. Это «забрало» сделано из шерсти; вокруг глаз меховая выпушка.

БОРЬБА С ВОЗДУШНЫМ ВРАГОМ. Опыт воздушной войны в Европе заставляет США значительно усилить работу ПВО. Американская печать пестрит статьями и очерками об организации обороны от опасности воздушного нападения.

Как сообщает американский журнал «Популер-механикс», вдоль тихоокеанского побережья созданы четыре главных станции — штабы в Сиэттле, Портленде, Сан-Франциско и Альгамбре, где концентрируется служба наблюдения по всему тихоокеанскому побережью. Сюда стекаются по самым различным каналам связи (по радио, телефону, телеграфу) сообщения наблюдателей. Густая сеть наблюдательных пунктов разбросана по всей стране. К обслуживанию их привлечены гражданские наблюдатели. Они вербуются из числа работников самых разнообразных коммунальных служб. Сюда относятся в первую очередь служащие телеграфно-телефонных компаний, линейные монтеры, занятые как на линии связи, так и на электростанциях. Эта категория работников всегда имеет возможность включиться в линию и передать сообщение в штаб: линейные монтеры работают и днем и ночью.

Наблюдатели вербуются также из числа железнодорожников (станционных служащих, путевых обходчиков), лесников, смотрителей маяков и т. д.

Члены добровольного корпуса наблюдателей проходят регулярную тренировку. Они должны уметь различить по силуэтам и даже по звуку типы самолетов, а также примерную высоту и направление полета.

Центральные штабы ПВО оборудованы первоклассной аппаратурой связи всех видов.

На огромной карте района в момент поступления сообщения вспыхивает лампочка. По мере того как сообщение поступает с других пунктов, на карте вспыхивают соответствующие лампочки. Загоревшиеся лампочки затем постепенно начинают тускнеть. Это означает, что самолет уже пролетел над этим пунктом. Таким образом, на карте как бы виден курс самолета. По тому, как быстро одна за другой лампочки загораются, можно также определить и скорость полета. Если даже какой-нибудь наблюдатель ошибся, то десятки других тут же его поправят. Одновременно над светящимся экраном карты появляется увеличенный текст телеграммы, автоматически принятой телетайпом. Это — сообщение о количестве самолетов, их курсе, типе самолетов и т. д. Работник штаба тотчас же определяет, какой объект наметил враг для своего нападения. Немедленно оповещается служба ПВО угрожаемого района.

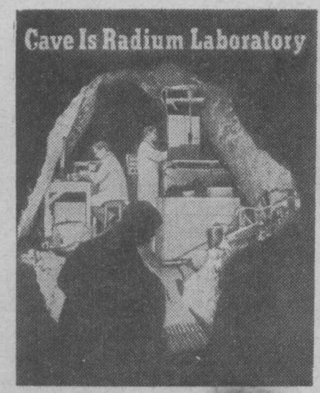
В малодоступных местностях (на вершинах гор и т. д.) установлены «наблюдатели»-автоматы.

На экране, установленном в штабе ПВО, вспыхивает извилистая яркая дорожка. В то же мгновение из громкоговорителя, расположенного над экраном, раздается гул мотора. Это автоматический пост сообщает о том, что над горным хребтом пролетает эскадрилья неприятельских самолетов. По форме кривой, по шуму, воспроизводимому громкоговорителем, оператор штаба определяет количество и тип самолетов. А вот загорелся экран следующего автомата. Теперь ясно: неприятельские самолеты взяли курс на авиационный завод, на нефтеперегонный завод и т. д. Проходит несколько минут — и это предположение подтверждается сотнями сообщений наблюдателей, расположенных по пути следования эскадрильи. Эти сообщения содержат все необходимые подробности о неприятельском вторжении.

Новое в науке и технике

РАДИЙ И ВОЙНА. Что произойдет, если в результате прямого попадания авиобомбы в какую-нибудь больницу будет разрушено хранилище радия и частицы драгоценного элемента будут распылены взрывом?

Радий — при умелом использовании друг человека, помощник в борьбе с тяжкими болезнями, — может стать его врагом. Люди, которые, сами того не зная, будут находиться под воздействием его излучений, станут жертвой глубоких, органических изменений, тяжелых заболеваний.

Английские ученые в подземной лаборатории радия.

В «Королевском раковом госпитале» — центральной онкологической больнице Лондона, располагающей значительным количеством радия (5 граммов), — разработана система, позволяющая в течение двух минут после воздушной тревоги доставить драгоценный элемент в глубокое подземное бомбоубежище. От окна радиотерапевтического кабинета к бомбоубежищу по внешней стене здания проведена металлическая труба. В окне кабинета, над верхним отверстием трубы, подвешен на тросе особый «сейф» с толстыми свинцовыми стенками. Услышав воздушную тревогу, медицинская сестра, обслуживающая радиотерапевтический кабинет, переносит с помощью особого приспособления капсулу с радием в этот «сейф», который опускается по трубе в бомбоубежище.

С начала налетов германской авиации на Лондон радий по ночам хранится в этом бомбоубежище и доставляется в радиотерапевтический кабинет только утром, перед самым началом процедур.

Но это все-таки только паллиатив: может случиться, что вследствие порчи механизма или неожиданности налета радий не будет своевременно укрыт в бомбоубежище, не говоря уже о том, что такими убежищами располагают далеко не все английские лечебные учреждения, применяющие радиотерапию. Английские ученые предложили более радикальное решение: заменить радий на время войны радиоактивным газом — эманацией радия, радоном. Он теряет свою радиоактивность очень быстро, в течение нескольких дней, и поэтому представляет значительно меньшую опасность чем радий. Укрывшись в бомбоубежищах, ученые в этих подземных лабораториях получают радон, которым предполагается снабжать взамен радия все английские лечебные учреждения.

ВМЕСТО ВРАЧА И ПАРИКМАХЕРА. За десять центов вы можете узнать, каков у вас пульс и каково кровяное давление. Для этого не нужно идти на прием к врачу: стоит вложить руку в специальную манжету и опустить монету в специальное отверстие нового американского автомата. Отзывов врачей о ценности и достоверности такого «автоматического» исследования американский журнал, из которого мы заимствуем

приводимое нами фото, не помещает. Но для изобретателей этого автомата сенсационная новинка оказалась, надо полагать, очень «ценной».

Изобретатель другого очередного автомата оказался скромнее. Он предлагает заменить не врача, а только парикмахера: опустив монету, «клиент» получает в свое распоряжение бритву с электрическим приводом. Наверху автомата, на высоте человеческого роста, хорошо освещенное зеркало. Бритва после каждого бритья автоматически стерилизуется ультрафиолетовыми лучами.

ШАХМАТЫ

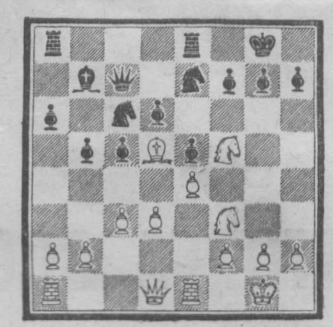
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГРОССМЕЙСТЕРА А. КОТОВА

Атака против пункта f7

Начальное расположение шахматных фигур на доске уже таит в себе определенные слабые пункты. Наиболее слабым у черных является пункт f7, у белых—f2. Естественно, что уже в первой стадии партии атаки противников часто направлены против этого пункта.

Наиболее выраженной атакой против поля f7 является старинная дебютная ловушка — так называемый мат Легаля. После ходов 1. e4 e5 2. Kf3d6 3. Cc4h6? 4. Kc3 Cg4? белые получают возможность играть 5. K : e5!, чтобы на 5... C : d1 объявить мат в два хода: 6. C : f7 + Kpe7 7. Kd5 мат.

У искушенных шахматистов подобные быстрые разгромы в дебюте встречаются крайне редко. Однако практика мастеров знает ряд примеров эффектных атак, проведенных с жертвами фигур на пункте f7. Приводим пример такого разгрома.

Положение взято из партии Тейхман — Шлехтер (Карлсбад, 1911 год).

Белые проводят красивую комбинацию, используя слабость пункта f7.

1. Cd5 : f7 + Kpg8 : f7
2. Kf3—g5+ Kpf7—g8
3. Фd1 — h5 Ke7 : f5

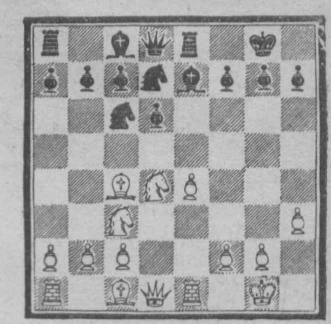
Единственная защита от грозившего мата на полях g7 и h7.

4. Фh5 : h7 + Kpg8 — f8
5. Фh7 : f5 + Kpf8 — g8

После 5. Kpe7 6. Фe6 + белые форсировали мат. 7. Kh7 или выигрывали ферзя 6. Kpd8 7. Kf7 +

6. Фf5—g6!!

Изящный ход. Белые угрожают перевести ладью e1 на поле h3 и затем дать мат посредством Лh8 + и Фh7. Против этой угрозы черные не имеют защиты. Через ход они сдались.

Положение № 6

Белые: Kpg1, Фd1, Лa1, e1, Cc1 c4, Kc3, d4 пп. a2, b2, c2, e4, f2, g2, h3 (15).

Черные: Kpg8, Фd8, Лa8, e8, Cc8, e7, Kc6, d7 пп. a7, b7, c7, d6, f7, g7, h7 (15).

В позиции диаграммы белые форсированно добиваются выигрыша материала или матуют черного короля в четыре хода.

Как это сделать?

КРОССВОРД

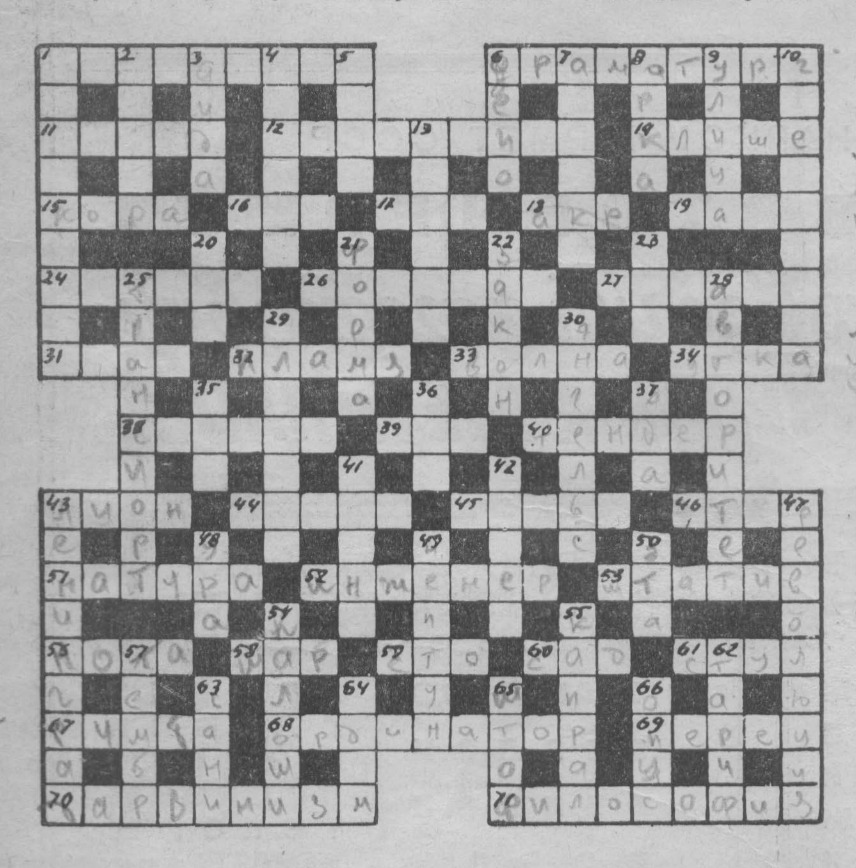
СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» А. С. МАТРОСОВ

По горизонтали:

1. Известковый наплыв.
6. Человек, пишущий пьесы.
11. Ядовитая змея.
12. Лекарство.
14. Рисунок или чертеж, вырезанный на дереве, металле или полученный отливкой для печатания.
15. Наружная часть древесного ствола.
16. Река в СССР.
17. Ложе реки.
18. Земельная мера.
19. Построение пехоты.
24. Походный казачий строй.
26. Французский философ-материалист.
27. Хозяйственный инвентарь.
31. Китайское имя.
32. Огонь.
33. Водяной гребень.
34. Домашняя птица.
38. Изваяние в древнем Египте.
39. Австрийский физик и философ.
40. Площадка с топливом и запасами воды для паровоза.
43. Крупный город во Франции.
44. Город на побережье Черного моря.
45. Французский драматург, актер и карикатурист.
46. Бесцветный газ с сильным едким запахом.
51. Характер.
52. Лицо с высшим техническим образованием.
53. Принадлежность фотографа.
56. Дипломатический документ.
58. Геометрическая фигура.
59. Число.
60. Участок земли, засаженный плодовыми деревьями.
61. Мебель.
67. Танец.
68. Врачебная должность.
69. Пряность.
70. Учение о происхождении видов.
71. Наука.

По вертикали:

1. Русский общественный деятель и публицист XIX века.
2. Стиль.
3. Опера Верди.
4. Принадлежность телефона.
5. Легендарный древнейший город.
6. Железнодорожные мастерские.
7. Растение.
8. Архитектурное сооружение.
9. Часть города.
10. Государство в Западном полушарии.
13. Лицо, живущее на проценты от своего капитала.
20. Ярмо, гнет.
21. Установленный вид одежды.
22. Правило.
23. Прибор для измерения глубины.
25. Перевозка грузов или людей.
28. Влияние, значение.
29. Осада.
30. Один из основоположников марксизма.
35. Американский писатель.
36. Самодовольный, пошлый человек.
37. Форма поэтического произведения.
41. Дикое животное.
42. Оттенок краски.
43. Город в СССР.
47. Коренной насильственный переворот в государстве.
48. Восторженкый [illegible]ас.
49. Планета.
50. Буква греческого алфавита.
54. Обувь.
55. Воинское звание в некоторых иностранных армиях.
57. Звуковая окраска инструмента или голоса.
62. Размер налога.
63. Бесколесная повозка.
64. Английский архитектор.
65. Прежняя русская мера жидкостей.
66. Вид поэзии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД-КРИПТОГРАММУ, ПОМЕЩЕННУЮ В № 29 «ОГОНЬКА»

I. Депеша.	XVI. Опыт.	XXXI. Копье.
II. Весы.	XVII. Яма.	XXXII. Война.
III. Телевидение.	XVIII. Вакуум.	XXXIII. Чай.
IV. Ява.	XIX. Величина.	XXXIV. Кий.
V. Сеть.	XX. Веретено.	XXXV. Сбыт.
VI. Неон.	XXI. Яхта.	XXXVI. Вяз.
VII. Семя.	XXII. Баян.	XXXVII. Вино.
VIII. Рейс.	XXIII. Резина.	XXXVIII. Толь.
IX. Часы.	XXIV. Пирамида.	XXXIX. Пейзаж.
X. Арык.	XXV. Долото.	XL. Па.
XI. Мотоцикл.	XXVI. Тетерев.	XLI. Гонг.
XII. Буссоль.	XXVII. Телега.	XLII. Тост.
XIII. Шнур.	XXVIII. Торий.	XLIII. Вид.
XIV. Сито.	XXIX. Инжир.	XLIV. Мышь.
XV. Небо.	XXX. Гайка.	XLV. Лот.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-39-02, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Изд. № 1075. Техредактор А. Котельникова.

А 32417. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 21/IX—40 г. Подписано к печати 28/X—40 г. Зак. № 3221. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ОГОНЕК
Цена 50 коп.